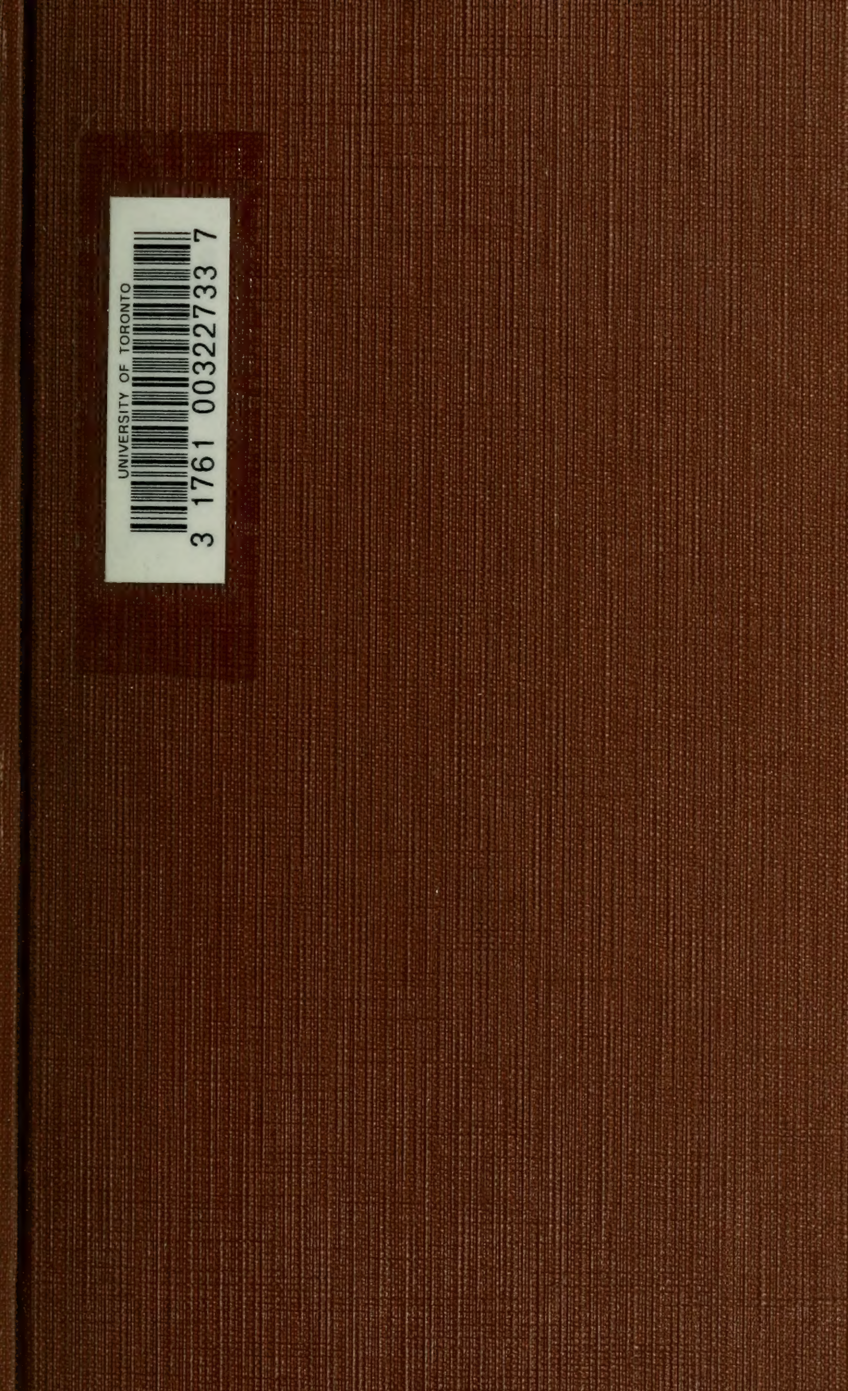
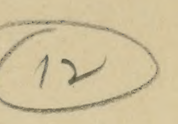

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322733 7

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ЗВЕНЬЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

1890 — 1912

МОСКВА
К-ВО „СКОРПІОНЪ"
1913

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА. МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

...Ибо искусство благого слова—мой отецъ...

Асвагоша

...Быть съ Солнцемъ заодно...

Аполлоній Тіанскій

Истинное поэтическое творчество есть пріоткрытая дверь въ горницу души.

Совершеннѣйшій ликъ поэзіи есть лирика, — пѣснопѣвчество сердца и ясновидѣнье души.

Тотъ, для кого поэзія есть полноцѣнное переживаніе живой жизни, горѣніе мгновеній, и сгораніе ихъ сполна, даетъ намъ всю свѣжесть апрѣльскихъ стеблей, пробившихъ черную глыбу земли, всѣ зыбкія тайны драгоцѣнныхъ камней, взволнованно выявляетъ клады дремотнаго сознанія, даетъ заглянуть въ Запредѣльное, добрасываетъ выкованное имъ въ подземныхъ кузницахъ звено до той алмазной цѣпи, которая соединяетъ наши жизни съ Вселенной, и свѣтлая тѣнь которой явственно проступаетъ иногда въ дѣтской улыбкѣ и радугѣ паутинокъ, въ виноватомъ взглядѣ человѣка, дѣлающаго намъ добро, и въ безвинномъ взглядѣ преступника, въ маломъ цвѣточкѣ, ростущемъ среди снѣговъ, въ росинкахъ слезъ и въ дрожаніи Сиріуса.

Кому же и знать всѣ тайны, какъ не тому, кто зажегъ свое сердце и глядитъ на лучи лампады, въ тѣ часы, когда другіе спятъ.

Пѣснопѣвчество сердца ведетъ къ ясновидѣнію души, внутрезоркость души сбрасываетъ съ сердца всѣ прахи, сопровождающіе достиженіе. Поющее сердце есть свирѣль первороднаго сына Земли, у котораго въ зрачкахъ еще дрожитъ дискъ Луны и золотой обручъ Солнца. Внутрезоркое око души есть звѣзда ведущая. Взнесенная вихрями чувства душа есть вѣсть, и есть вѣстникъ Оттуда.

Когда древній герой положилъ свою руку на огонь и смотрѣлъ неотступно передъ собой, онъ видѣлъ то, чего не видѣли неиспытавшіе этого страшнаго прикосновенія. Такъ же и тотъ, чья жизнь есть творчество, и чье творчество есть сполна переживаемая жизнь, чье творчество есть предѣльная степень выражаемаго чувства, — лирика, знаменіе которой въ мірѣ Природы есть живой огонь Земли, пламя вулкана, и живой огонь Неба, разрѣзающая молнія.

Сколько бы ни было различій въ поэтическихъ состояніяхъ самобытнаго пѣснопѣвца, и какъ бы ни выражались они въ разныхъ воплощеніяхъ, надъ текучею музыкой его состояній рѣетъ Геній объединенія, связующая сила гармоніи. Такъ на ночномъ Небѣ одна есть дорога птицъ — Млечный путь, правящій всѣми звѣздами.

Пріоткрывши дверь, мы входимъ въ одну горницу. Пріоткрывши другую, мы входимъ въ другую. Изъ горницы въ горницу идетъ пересвѣтъ. Черезъ весь теремъ. Отъ самоцвѣта къ самоцвѣту. Отъ стиха къ стиху. Отъ звена до звена. Отъ одной тайности къ другой. Звенья свѣтовъ — очамъ. Волны пѣнія—каждому слуху. Отъ одной внутрезоркой души до любой подходящей души. Въ свѣтѣ благословляющаго Солнца — наивысшее слово—Любовь.

К. Бальмонтъ.

Москва. 1913. Іюль 31.

ИЗЪ КНИГИ

„СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ“

ЯРОСЛАВЛЬ
1890

СТРУЯ.

Наклонись надъ колодцемъ,—увидишь ты тамъ
Словно грязная яма чернѣется,
Пахнетъ гнилью и плѣсень ростетъ по краямъ,
И прозрачной струи не виднѣется.

Но внизу, въ глубинѣ, среди гнили и тьмы,
Тамъ гдѣ пропасть чернѣется мглистая,
Какъ въ суровыхъ объятьяхъ угрюмой тюрьмы
Робко бьется струя серебристая.

ИЗЪ КНИГИ

„ПОДЪ СѢВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1894

ФАНТАЗІЯ.

Какъ живыя изваянья, въ искрахъ луннаго сіянья,
Чуть трепещутъ очертанья сосенъ, елей и березъ,
Вѣщій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ луны пріемлетъ,
И роптанью вѣтра внемлетъ, весь исполненъ тайныхъ грезъ.

Слыша тихій стонъ мятели, шепчутъ сосны, шепчутъ ели,
Въ мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.

Чьи-то звуки, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
И тоска и упоенье,—точно искрится звѣзда,
Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ что-то мнится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда.

Это мчатся духи ночи, это искрятся ихъ очи,
Въ часъ глубокій полуночи мчатся духи черезъ лѣсъ.
Что̀ ихъ мучитъ, что̀ тревожитъ? Что̀ какъ червь ихъ тайно гложетъ?
Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнъ небесъ?

Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,
Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томитъ тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего то жаль.

А луна все льетъ сіянье, и безъ муки, безъ страданья,
Чуть трепещутъ очертанья вѣщихъ сказочныхъ стволовъ,
Всѣ они такъ сладко дремлютъ, безучастно стонамъ внемлютъ,
И съ спокойствіемъ пріемлютъ чары ясныхъ свѣтлыхъ сновъ.

ЗАЧѢМЪ?

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебѣ молюсь въ вечерней мглѣ.
Зачѣмъ Ты даровалъ мнѣ душу неземную—
И приковалъ меня къ землѣ?

Я говорю съ Тобой сквозь тьму тысячелѣтій,
Я говорю Тебѣ, Творецъ,
Что мы обмануты, мы плачемъ, точно дѣти,
И ищемъ: Гдѣ же Нашъ Отецъ?

Когда-бъ хоть мигъ одинъ звучалъ Твой голосъ внятно,
Я былъ бы радъ сіянью дня,
Но жизнь, любовь, и смерть—все страшно, непонятно,
Все неизбѣжно для меня.

Великъ Ты, Господи, но міръ Твой непривѣтенъ,
Какъ все великое, онъ нѣмъ,
И тысячи вѣковъ напрасенъ, безотвѣтенъ
Мой скорбный крикъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ?“

ЧАЙКА.

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
Надъ холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
Такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
Безпріютная чайка изъ дальней страны.

БЕЗЪ УЛЫБКИ, БЕЗЪ СЛОВЪ.

На алмазномъ покровѣ снѣговъ,
Подъ холоднымъ сіяньемъ луны,
Хорошо намъ съ тобой! Безъ улыбки, безъ словъ,
Обитатели призрачной свѣтлой страны,
Погрузились мы въ море загадочныхъ сновъ,
Въ царствѣ блѣдной луны.

Какъ отрадно въ глубокій полуночный часъ
На мгновенье всѣ скорби по дѣтски забыть,
И забывъ, что любовь невозможна для насъ,
Какъ отрадно мечтать и любить,
Безъ улыбки, безъ словъ,
Средь ночной тишины,
Въ царствѣ чистыхъ снѣговъ,
Въ царствѣ блѣдной луны.

ДВА ГОЛОСА.

Скользятъ стрижи въ лазури неба чистой.
—Въ лазури неба чистой горитъ закатъ.—
Въ вечерній часъ какъ нѣженъ лугъ росистый!
—Какъ нѣженъ лугъ росистый, и прудъ, и садъ!—

Вечерній часъ—предчувствіе полночи.
—Въ предчувствіи полночи душа дрожитъ.—
Предъ красотой минутной плачутъ очи.
—Какъ горько плачутъ очи! Какъ мигъ бѣжитъ!—

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ.

Жизнь утомила меня,
Смерть, наклонись надо мной!
Въ небѣ—предчувствіе дня,
Сумракъ блѣднѣетъ ночной...
Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
Въ утренней дѣвственной мглѣ,
Дубъ залепечетъ съ сосной,
Грустно поникнетъ къ землѣ
Ласковый ландышъ лѣсной.

Вѣстникъ безсмертнаго дня,
Гдѣ-то зашепчетъ родникъ,
Гдѣ-то проснется, звеня...
Въ этотъ таинственный мигъ,
Смерть, убаюкай меня!

ИЗЪ КНИГИ

„ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ“

МОСКВА
1895

УХОДЯЩІЯ ТѢНИ.

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
И какіе-то звуки вокругъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались отъ небесъ и земли.

Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.

И внизу подо мною ужь ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

ВСЕ МНѢ ГРЕЗИТСЯ.

Все мнѣ грезится море да небо глубокое,
Безконечная грусть, безграничная даль,
Трепетаніе звѣздъ, ихъ мерцанье стоокое,
Догорающихъ тучекъ нѣмая печаль.

Все мнѣ чудится вздохъ камыша почернѣлаго,
Глушь родимыхъ лѣсовъ, заповѣдный затонъ,
И надъ озеромъ пѣніе лебедя бѣлаго,
Точно сердца несмѣлаго жалобный стонъ.

КОВЫЛЬ.

Точно призракъ умирающій,
На степи ковыль качается,
Смотритъ мѣсяцъ догорающій,
Бѣлой тучкой омрачается.

И блуждаютъ тѣни смутныя
По пространству неоглядному,
И непрочныя, минутныя,
Что-то шепчутъ вѣтру жадному.

И мерцаніе мелькнувшее
Исчезаетъ за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникаетъ надъ курганами.

Мѣсяцъ меркнетъ, омрачается,
Догорающій и тающій,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призракъ умирающій.

КАМЫШИ.

Полночной порою, въ болотной глуши,
Чуть слышно, безшумно, шуршатъ камыши.

О чемъ они шепчутъ? О чемъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между ними горятъ?

Мелькаютъ, мигаютъ,—и снова ихъ нѣтъ.
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.

Полночной порой камыши шелестятъ.
Въ нихъ жабы гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистятъ.

Въ болотѣ дрожитъ умирающій ликъ.
То мѣсяцъ багровый печально поникъ.

И тиной запахло. И сырость ползетъ.
Трясина заманитъ, сожметъ, засосетъ.

„Кого? Для чего?“ Камыши говорятъ.
„Зачѣмъ огоньки между нами горятъ?“

Но мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.

И вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно, шуршатъ камыши.

ПОДВОДНЫЯ РАСТЕНІЯ.

СОНЕТЪ.

На днѣ морскомъ подводныя растенья
Распространяютъ блѣдные листы,
И тянутся, ростутъ, какъ привидѣнья,
Въ безмолвіи угрюмой темноты.

Ихъ тяготитъ покой уединенья,
Ихъ манитъ міръ безвѣстной высоты,
Имъ хочется любви, лучей, волненья,
Имъ снятся ароматные цвѣты.

Но нѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта,
Молчитъ кругомъ холодная вода.
Акулы проплываютъ иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привѣта.
И сверху посылаетъ зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви всегда безсвязны,
Они дрожатъ, они алмазны,
Какъ въ часъ предутреннiй звѣзда,—
Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынѣ,
Съ начала мiра и донынѣ,
И будутъ первыми всегда,—
Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
Какъ свѣтъ, какъ воздухъ, безпредѣльны,
Легки, какъ всплески въ тростникахъ,—
Какъ взмахи птицы опьяненной,
Съ другою птицею сплетенной
Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

НЕПОПРАВИМОЕ.

Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій,
Ужасенъ полуночный часъ для бездомныхъ тѣней.
Какъ сладко блаженство объятій и страстныхъ рыданій,
И какъ безутѣшна печаль о возможномъ несбывшихся дней!
Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій.

Земля не устанетъ любить, и любить безъ конца.
Промчатся столѣтья и будутъ мгновеньемъ казаться,
И горькія слезы польются, польются съ лица,
И тотъ не устанетъ рыдать, кто любви былъ безсиленъ
отдаться,
А міръ будетъ вѣчно любить, и любить безъ конца.

Франческа, Паоло, воздушныя нѣжныя тѣни,
Вы свято любили, и свѣтитъ вамъ нѣжность въ Аду.
Но горе тому, кто замедлилъ на первой ступени,
Кто ввѣриться снамъ не посмѣлъ и всю жизнь протомился
въ бреду.
Франческа, Паоло, въ несчастьи счастливыя тѣни!

ЗА ПРЕДѢЛЫ ПРЕДѢЛЬНАГО.

За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой безбрежности!

Въ ненасытной мятежности,
Въ жаждѣ счастія цѣльнаго,

Мы, воздушные, летимъ,
И помедлить не хотимъ.

И едва качаемъ крыльями.

Все захватимъ, все возьмемъ,
Жаднымъ чувствомъ обоймемъ!

Дерзкими усильями
Устремляясь къ высотѣ,

Дальше, прочь отъ грани тѣсной,
Мы домчимся въ міръ чудесный,
Къ неизвѣстной
Красотѣ!

ИЗЪ КНИГИ

„ТИШИНА“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1898

ТИШИНА.

Чуть блѣднѣютъ янтари
Нѣжно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спятъ купавы, спитъ камышъ.

Задремавшая рѣка
Отражаетъ облака,
Тихій, блѣдный свѣтъ небесъ,
Тихій, темный, сонный лѣсъ.

Въ этомъ царствѣ тишины
Вѣютъ сладостные сны,
Дышетъ ночь, смѣняя день,
Медлитъ гаснущая тѣнь.

Въ эти воды съ вышины
Смотритъ блѣдный серпъ Луны.
Звѣзды тихій свѣтъ струятъ,
Очи ангеловъ глядятъ.

МНѢ СТРАННО ВИДѢТЬ.

Мнѣ странно видѣть лицо людское,
Я вижу взоры существъ иныхъ,
Со мною вѣтеръ и все морское,
Все то, что чуждо для думъ земныхъ.

Со мною тѣни, за мною тѣни,
Я слышу сказку морскихъ глубинъ,
Я царь надъ царствомъ живыхъ видѣній,
Всегда свободный, всегда одинъ.

Я слышу бурю, удары грома,
Пожары молній горятъ вдали,
Я вижу островъ, гдѣ все знакомо,
Гдѣ я владыка моей земли.

Въ душѣ холодной мечты безмолвны,
Я слышу сердцемъ полетъ временъ,
Со мною волны, за мною волны,
Я вижу вѣчный—все тотъ же—сонъ.

ЦВѢТЫ НАРЦИССА.

Точно изъ легкаго камня изсѣчены,
Въ воду глядятъ лепестки бѣлоснѣжные.
Собственнымъ образомъ пристально встрѣчены.
Въ глубь заглянули цвѣты безмятежные.

Мягкое млѣетъ на нихъ трепетаніе,
Двойственно-блѣдны, ростутъ очертанія.
Въ глубь заглянули нѣмые цвѣты,—
Поняли, поняли свѣтъ Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
Тайно хранитъ золотыя признанія.
Только въ себя невозвратно-влюбленное,
Стынетъ, блѣднѣетъ въ мечтахъ безъ названія.

Съ чистою грезой цвѣтокъ обручается,
Грезу любя, онъ со смертью вѣнчается.
Мигъ,—и отъ счастія гаснутъ цвѣты,
Какъ они поняли свѣтъ Красоты!

Я ВОЛЬНЫЙ ВѢТЕРЪ.

Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю,
Волную волны, ласкаю ивы,
Въ вѣтвяхъ вздыхаю, вздохнувъ, нѣмѣю,
Лелѣю травы, лелѣю нивы.

Весною свѣтлой, какъ вѣстникъ мая,
Цѣлую ландышъ, въ мечту влюбленный,
И внемлетъ вѣтру лазурь нѣмая,—
Я вѣю, млѣю, воздушный, сонный.

Въ любви невѣрный, росту циклономъ,
Взметаю тучи, взрываю Море,
Промчусь въ равнинахъ протяжнымъ стономъ,
И громъ проснется въ нѣмомъ просторѣ.

Но снова легкій, всегда счастливый,
Нѣжнѣй, чѣмъ фея ласкаетъ фею,
Я льну къ деревьямъ, дышу надъ нивой,
И, вѣчно вольный, забвеньемъ вѣю.

ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ.

Быть можетъ, когда ты уйдешь отъ меня,
Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
Но цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
О, другъ мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новыя страсти придутъ,
Съ другимъ ты забудешься вновь.
Но въ памяти прежніе образы ждутъ,
И старая тлѣетъ любовь.

И будетъ мучительно-сладостный мигъ:—
Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
Съ другимъ заглянувши въ безсмертный родникъ,
Ты вздрогнешь,—и вспомнишь меня.

КОМУ Я МОЛЮСЬ?

Кому я молюсь? Холодному вѣтру.
Кому я молюсь? Равнинѣ морской.
Я братъ не людямъ, а бурѣ и вѣтру,
Я братъ холодной равнинѣ морской.

Куда иду я? Къ горнымъ вершинамъ.
Куда иду я? Къ пустынямъ глухимъ.
Я братъ холодному горному вѣтру,
Живу одиноко и растаю какъ дымъ.

Чего хочу я? Тѣни послѣдней.
Чего хочу я? Смерти одной.
Я духъ безстрастный, духъ безпріютный,
Хочу я дремоты, дремоты ночной.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ.

1.

Между льдовъ затерты, спятъ въ тиши морей
Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей.
Вѣтеръ быстролетный, тронувъ паруса,
Прочь спѣшитъ въ испугѣ, мчится въ небеса.
Мчится—и не смѣетъ бить дыханьемъ твердь,
Всюду видя только—блѣдность, холодъ, смерть.
Точно саркофаги, глыбистые льды
Длинною толпою встали изъ воды.
Бѣлый снѣгъ ложится, вьется надъ волной,
Воздухъ заполняя мертвой бѣлизной.
Вьются хлопья, вьются, точно стаи птицъ,
Царству бѣлой смерти нѣтъ нигдѣ границъ.
Что-жь вы здѣсь искали, выброски зыбей,
Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей?

2.

„На полюсъ! На полюсъ! Бѣжимъ, поспѣшимъ,
И новыя тайны откроемъ!
Тамъ вѣрно есть островъ—красивъ, недвижимъ,
Окованъ плѣнительнымъ зноемъ!

„Намъ скучны предѣлы родимыхъ полей,
Извѣданныхъ думъ и желаній.
Мы жаждемъ качанья нѣмыхъ кораблей,
Мы жаждемъ далекихъ скитаній.

„Въ безвѣстномъ—услада тревожной души,
Въ туманностяхъ манятъ зарницы.
И сердцу рокочутъ приливы: „Спѣши!“
И дразнятъ свободныя птицы.

„Намъ вѣтеръ свободный шепнулъ въ полуснѣ,
Что сбудутся наши надежды:
Для новаго Солнца, въ цвѣтущей странѣ,
Проснувшись, откроемъ мы вѣжды.

„Мы гордо раздвинемъ предѣлы земли,
Намъ свѣтитъ нашъ разумъ стоокій.
Плывите, плывите скорѣй, корабли,
Плывите на полюсъ далекій!

3.

Солнце свершаетъ
Скучный свой путь.
Что-то мѣшаетъ
Сердцу вздохнуть.

Въ Морѣ приливы
Шумно ростутъ.
Мирныя нивы
Гдѣ-то цвѣтутъ.

Пѣнясь, про нѣгу
Шепчетъ вода.
Гдѣ-то къ ночлегу
Гонятъ стада.

4.

Грусть утихаетъ:
Съ другомъ легко.
Кто-то вздыхаетъ—
Тамъ—далеко.

Счастливъ, кто мирной
Долей живетъ.
Кто-то въ обширной
Безднѣ плыветъ.

Нѣжная ива
Спитъ и молчитъ.
Гдѣ-то тоскливо
Чайка кричитъ.

5.

„Мы плыли—все дальше—мы плыли,
Мы плыли не день и не два.
Отъ влажной крутящейся пыли
Кружилась не разъ голова.

„Туманы клубились густые,
Вставалъ и гудѣлъ Океанъ,—
Какъ будто бы вѣдьмы сѣдыя
Раскинули вражескій станъ.

„И туча бѣжала за тучей,
За валомъ мятежился валъ.
Встрѣчали мы островъ пловучій,
Но онъ отъ очей ускользалъ.

„И тамъ, гдѣ изъ воднаго плѣна
На мигъ возставали цвѣты,
Крутилась лишь бѣлая пѣна,
Сверкая среди темноты.

„И дерзко смѣялись зарницы,
Манившія міромъ чудесъ.
Кружились зловѣщія птицы
Подъ склепомъ пустынныхъ небесъ.

„Буруны сокрыли со стономъ
Сверканье полярной звѣзды.
И вотъ ужь съ пророческимъ звономъ
Идутъ, надвигаются льды.

„Такъ что-жь, и для насъ развернула
Свой свитокъ сѣдая печаль?
Такъ значитъ и насъ обманула
Богатая сказками даль?

„Мы отданы бѣлымъ пустынямъ,
Мы тризну свершаемъ на льдахъ,
Мы тонемъ, мы гаснемъ, мы стынемъ
Съ проклятьемъ на блѣдныхъ устахъ!"

6.

Скрипя, бѣжитъ среди валовъ,
Гигантскій гробъ, скелетъ пловучій
Въ тѣлахъ обманутыхъ пловцовъ
Изсякъ свѣтильникъ жизни жгучей.

Огромный остовъ корабля
Въ пустынѣ Моря быстро мчится,
Какъ будто гдѣ-то есть земля,
Къ которой жадно онъ стремится.

За нимъ, скрипя, среди зыбей
Несутся бѣшено другіе,
И привидѣнья кораблей
Тревожатъ области морскія.

И шепчутъ волны межь собой,
Что дальше ихъ пускать не надо,—
И встала бѣлою толпой
Снѣговъ и льдистыхъ глыбъ громада.

И пѣсни имъ надгробной нѣтъ,
Бездушенъ міръ пустыни сонной,
И только Солнца красный свѣтъ
Горитъ какъ факелъ похоронный.

7.

Да легкіе хлопья летаютъ,
И беззвучную сказку поютъ.
И бѣлыя ткани сплетаютъ,
Созидаютъ для смерти пріютъ.

И шепчутъ: „Мы—дѣти эфира,
„Мы—любимцы нѣмой тишины,
„Враги безпокойнаго міра,
„Мы—пушистые, чистые сны.

„Мы падаемъ въ синее Море,
„Мы по воздуху молча плывемъ,
И мчимся въ безбрежномъ просторѣ,
„И къ покою другъ друга зовемъ.

„И вѣчно мы, вѣчно летаемъ,
„И не нужно намъ шума земли,
„Мы вьемся, бѣжимъ, пропадаемъ,
„И летаемъ, и таемъ вдали...“

ИЗЪ КНИГИ

„ГОРЯЩІЯ ЗДАНІЯ“

МОСКВА
1900

АРОМАТЪ СОЛНЦА.

Запахъ Солнца? Что за вздоръ!
Нѣтъ, не вздоръ.
Въ Солнцѣ звуки и мечты,
Ароматы и цвѣты,
Всѣ слились въ согласный хоръ,
Всѣ сплелись въ одинъ узоръ,

Солнце пахнетъ травами,
Свѣжими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной.

Нѣжно свѣтлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что побѣдно расцвѣли
Въ остромъ запахѣ земли.

Солнце свѣтитъ звонами,
Листьями зелеными,
Дышетъ вешнимъ пѣньемъ птицъ,
Дышетъ смѣхомъ юныхъ лицъ.

Такъ и молви всѣмъ слѣпцамъ:—
Будетъ вамъ!
Не узрѣть вамъ райскихъ вратъ.
Есть у Солнца ароматъ,
Сладко внятный только намъ,
Зримый птицамъ и цвѣтамъ.

КАКЪ ИСПАНЕЦЪ.

Какъ Испанецъ, ослѣпленный вѣрой въ Бога и любовью,
И своею опьяненный и чужою красной кровью,
Я хочу быть первымъ въ мірѣ, на землѣ и на водѣ,
Я хочу цвѣтовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ.

Я, родившійся въ ущельи, подъ Сіэррою-Невадой,
Гдѣ лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
Я хочу, чтобъ мнѣ открылись первобытные лѣса,
Чтобы заревомъ надъ Перу засвѣтились небеса.

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ и рубиновъ,
Крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ,
Яркихъ зарослей коралла, протянувшихся къ лучу,
Мной отысканныхъ предѣловъ жаркимъ сердцемъ я хочу.

И стремясь отъ счастья къ счастью, я пройду по океанамъ,
И въ пустыняхъ раскаленныхъ я исчезну за туманомъ,
Чтобы съ жадной быстротою аравійскаго коня
Всюду мчаться за врагами подъ багряной вспышкой дня.

И быть-можетъ, черезъ годы, сосчитавъ свои владѣнья,
Я ихъ самъ же разбросаю, разгоню, какъ привидѣнья,
Но и въ часъ передремотный, между скалъ родимыхъ вновь,
Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, какъ кровь.

ДАЛЕКІЙ СЛѢДЪ.

Я люблю далекій слѣдъ—отъ весла,
Мнѣ отрадно подойти—вплоть до зла,
И его не совершивъ—посмотрѣть,
Какъ костеръ, вдали, за мной—будетъ тлѣть.

Если я въ мечтѣ поджегъ—города,
Пламя зарева со мной—навсегда.
О, мой братъ! Поэтъ и царь—сжегшій Римъ!
Мы сжигаемъ, какъ и ты—и горимъ.

ВЪ ГЛУХІЕ ДНИ.

ПРЕДАНІЕ.

Въ глухіе дни Бориса Годунова,
Во мглѣ Россійской пасмурной страны,
Толпы людей скиталися безъ крова,
И по ночамъ всходило двѣ луны.

Два солнца по утрамъ свѣтило съ неба,
Съ свирѣпостью на дольный міръ смотря.
И вопль протяжный: „Хлѣба! Хлѣба! Хлѣба!"
Изъ тьмы лѣсовъ стремился до царя.

На улицахъ изсохшіе скелеты
Щипали жадно чахлую траву,
Какъ скотъ,— озвѣрены и не одѣты,
И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелѣвшіе отъ гнили,
Живымъ давали адскій, смрадный хлѣбъ,
Во рту у мертвыхъ сѣно находили,
И каждый домъ былъ сумрачный вертепъ.

Отъ бурь и вихрей башни низвергались,
И небеса, таясь межъ тучъ тройныхъ,
Внезапно краснымъ свѣтомъ озарялись,
Являя битву воинствъ неземныхъ.

Невиданныя птицы прилетали,
Орлы парили съ крикомъ надъ Москвой,
На перекресткахъ молча, старцы ждали,
Качая посѣдѣвшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрѣвъ комету, дрогнула земля.
И въ эти дни Димитрій всталъ изъ гроба,
Въ Отрепьева свой духъ переселя.

ПОДЪ ЯРМОМЪ.

Какъ подъ ярмомъ быки влекутъ тяжелый возъ,
И оставляютъ слѣдъ продольностью колесъ,
Такъ наши помыслы, намѣренья, дѣянья
За нами тянутся, готовя горечь слезъ,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья,—
Они накопятся, и, рухнувъ, какъ утесъ,
Глухими гулами ворвутся къ намъ въ сознанье,
Какъ крикъ раскаянья, какъ вопль воспоминанья.

И ПЛЫЛИ ОНИ.

И плыли они безъ конца, безъ конца,
Во мракѣ, но съ жаждою свѣта.
И ужасъ внезапный объялъ ихъ сердца,
Когда дождалися отвѣта.

Огонь появился предъ взорами ихъ,
Въ обрывѣ лазури туманной.
И былъ онъ прекрасенъ, и ровенъ, и тихъ,
Но ужасъ объялъ ихъ нежданный.

Какъ тѣни слѣпыя, закрывши глаза,
Сидѣли они засыпая.
Хоть спали—не спали, имъ снилась гроза,
Глухая гроза и слѣпая.

Закрытыя вѣки дрожали едва,
Но свѣтъ имъ былъ виденъ сквозь вѣки.
И вѣчность раздвинулась, грозно-мертва:—
Все рѣки, безмолвныя рѣки.

На лонѣ ростущихъ чернѣющихъ водъ
Зажегся пожаръ безпредѣльный.
И спящіе призраки плыли впередъ,
Дорогой прямой и безцѣльной.

И каждый, какъ дремлющій духъ мертвеца,
Качался въ сверкающемъ дымѣ.
И плыли они безъ конца, безъ конца,
И путь свой свершили—слѣпыми.

УРОДЫ.

СОНЕТЪ.

Я горько васъ люблю, о, бѣдные уроды,
Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
Убогіе рабы, не знавшіе свободы,
Ладьи, разбитыя веселостью волны.

И вы мнѣ дороги, мучительные сны
Жестокой матери, безжалостной Природы,
Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
И змѣй и ящерицъ отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убійство, и бѣда,
Гоморра и Содомъ, слѣпые города,
Надежды хищныя съ раскрытыми губами,—

О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
Во имя Господа, блаженнаго всегда,
Благословляю васъ, да будетъ счастье съ вами!

ВЪ ДУШАХЪ ЕСТЬ ВСЕ.

Въ душахъ есть все, что есть въ Небѣ, и много иного.
Въ этой душѣ создалось первозданное слово!
Гдѣ, какъ не въ ней,
Замыслы встали безмѣрною тучей,
Нѣжность возникла усладой пѣвучей,
Совѣсть, свѣтильникъ опасный и жгучій,—
Вспышки и блески различныхъ огней,
Гдѣ, какъ не въ ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Небо не тамъ,
Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,
Гдѣ создаю я и снова создамъ
Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ,—
Пламенный знакъ моего постоянства.
Небо—въ душевной моей глубинѣ,
Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ.
Дивно и жутко—уйти въ запредѣльность,
Страшно мнѣ въ пропасть души заглянуть,
Страшно—въ своей глубинѣ утонуть.
Все въ ней слилось въ безконечную цѣльность,
Только душѣ я молитвы пою,
Только одну я люблю безпредѣльность,
Душу мою!

ЗАКАТНЫЕ ЦВѢТЫ.

О, краски закатныя! О, лучи невозвратные!
Повисли гирляндами облака просвѣтленныя.
Равнины туманятся, и лѣса необъятные,
Какъ будто нежившіе, навсегда утомленные.

И розы небесныя, облака безтѣлесныя,
На долы печальные, на селенія бѣдныя,
Глядятъ съ состраданіемъ, на безвѣстныхъ—безвѣстныя,
Поникшія, скорбныя, безотвѣтныя, блѣдныя.

МАЙЯ.

Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтущій въ столѣтіе разъ,
Пряный, дышалъ между горъ на вершинахъ.
Мѣсяцъ за скалы проплылъ—и погасъ.

Въ темной пещерѣ, задумчивый іоги,
Магъ-заклинатель, блѣднѣй мертвеца.
Что-то шепталъ, и властительно-строги
Были черты сверхземного лица.

Мантру читалъ онъ, святое моленье,
Только прочелъ—и предъ нимъ, какъ во снѣ,
Стали качаться, носиться видѣнья.
Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
Время, пространство, причина и цѣль,
Пышность восторга, и сумракъ потери,
Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы,
Сонмы враждебныхъ безчисленныхъ „я“,
Мракъ отпаденья отъ вѣчнаго Брамы,
Ужасъ мучительный, сонъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
Рушится съ шумомъ утесъ на утесъ,
Топотъ и ропотъ, мольбы и укоры,
Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
„Майя! О, Майя! Лучистый обманъ!
„Жизнь—для незнающихъ, призракъ—для іоги,
„Майя—бездушный нѣмой океанъ!“

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталъ.
Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтокъ вѣковой, отцвѣталъ.

КАКЪ КРАСНЫЙ ЦВѢТЪ НЕБЕСЪ.

Какъ красный цвѣтъ небесъ, которыя не красны,
Какъ разногласье волнъ, что межь собой согласны,
Какъ сны возникшіе въ прозрачномъ свѣтѣ дня,
Какъ тѣни дымныя вкругъ яркаго огня,
Какъ отсвѣтъ раковинъ, въ которыхъ жемчугъ дышитъ,
Какъ звукъ, что въ слухъ идетъ, но самъ себя не слышитъ,
Какъ на поверхности потока бѣлизна,
Какъ лотосъ въ воздухѣ, ростущій ото дна,
Такъ жизнь съ восторгами и съ блескомъ заблужденья
Есть сновидѣніе иного сновидѣнья.

ПРОСВѢТЛЕННЫЙ.

Я—просвѣтленный, я кажусь собой,
Но я не то,—я островъ голубой:—
Вблизи—зеленый, полный мглы и бури,
Онъ издали являетъ цвѣтъ лазури.

Я—вольный сонъ, я всюду и нигдѣ:—
Вода блеститъ, но развѣ лучъ въ водѣ?
Нѣтъ, здѣсь свѣтя, я гдѣ-то тамъ блистаю,
И тамъ не жду, блесну и пропадаю.

Я вижу все, вездѣ встаетъ мой ликъ,
Со всѣми я сливаюсь каждый мигъ.
Но вѣтеръ какъ замкнуть въ предѣлахъ зданья?
Я духъ, я магъ, я стражъ міросознанья.

АЛЬБАТРОСЪ.

Надъ пустыней ночною морей альбатросъ одинокій,
Разрѣзая ударами крыльевъ соленый туманъ,
Любовался, какъ царствомъ своимъ, этой бездной широкой,
И, едва колыхаясь, качался подъ нимъ Океанъ.

И порой омрачаясь, далеко, на небѣ холодномъ,
Одиноко плыла, одиноко горѣла Луна.
О, блаженство быть сильнымъ и гордымъ и вѣчно свободнымъ!
Одиночество! Миръ тебѣ! Море, покой, тишина!

КРИКЪ ЧАСОВОГО.

СОНЕТЪ.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры—
Въ предѣлахъ думъ. Снуетъ ихъ череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда,—
Солдаты спятъ, какъ нищіе, какъ воры.

Назавтра бой. Поспѣшенъ бѣгъ минутъ.
Всѣ спятъ. Все спитъ. И пусть. Я—вѣрный—тутъ.
До завтра сномъ безпечно усладитесь.

Но чу! Во тьмѣ—чуть слышные шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

ИЗЪ КНИГИ

„БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ“

МОСКВА
1903

* * *

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И синій кругозоръ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И выси горъ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море,
И пышный цвѣтъ долинъ.
Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,
Я властелинъ.

Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.
Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
А если день погасъ,
Я буду пѣть... Я буду пѣть о Солнцѣ
Въ предсмертный часъ!

* * *

Я—изысканность Русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи,
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я—внезапный изломъ,
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ничей.

Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
Самоцвѣтные камни земли самобытной,
Переклички лѣсныя зеленаго Мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.

Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя и въ другихъ,
Я—изысканный стихъ.

ГАРМОНІЯ СЛОВЪ.

Почему въ языкѣ отошедшихъ людей
Были громы пѣвучихъ страстей?
И намеки на звонъ всѣхъ временъ и пировъ,
И гармонія красочныхъ словъ?

Почему въ языкѣ современныхъ людей
Стукъ ссыпаемыхъ въ яму костей?
Подражательность словъ, точно эхо молвы,
Точно ропотъ болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скалъ возникла вода,
Не боялась она прорываться впередъ,
Если станешь предъ ней, такъ убьетъ.

И убьетъ, и зальетъ, и прозрачно бѣжитъ,
Только волей своей дорожитъ.
Такъ рождается звонъ для грядущихъ временъ,
Для теперешнихъ блѣдныхъ племенъ.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ.

Я шелъ безбрежными пустынями
И видѣлъ блѣдную Луну,
Она плыла морями синими,
И опускалася ко дну.

И не ко дну, а къ безъизмѣрности,
За кругозорностью земной,
Гдѣ нѣтъ измѣнъ и нѣтъ невѣрности,
Гдѣ все объято тишиной.

Тамъ нѣтъ вѣтровъ свирѣподышащихъ,
Тамъ нѣтъ ни друга, ни врага,
Тамъ нѣтъ морей, себя не слышащихъ
И звонко бьющихъ въ берега.

Тамъ все застывшее, безстрастное,
Хотя внушающее страсть,—
Затѣмъ, что это царство ясное
Свою намъ передало часть.

Въ насъ отъ него встаютъ желанія,—
Какъ эхо, грянувшее вдругъ,
Встаетъ изъ сonнаго молчанія,
Когда ужь умеръ самый звукъ.

И бродимъ, бродимъ мы пустынями,
Средь лунатическаго сна,
Когда бездонностями синими
Надъ нами властвуетъ Луна.

Мы подчиняемся, склоняемся
Передъ царицей тишины
И въ сны свои свѣтло влюбляемся
По мановенію Луны.

ДОЖДЬ.

Въ углу шуршали мыши,
Весь домъ застылъ во снѣ.
Шелъ дождь, и капли съ крыши
Стекали по стѣнѣ.

Шелъ дождь, лѣнивый, вялый,
И маятникъ стучалъ,
И я душой усталой
Себя не различалъ.

Я слился съ этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забытый, обдѣленный,
Я весь былъ тьмой ночной.

А бодрый, какъ могильщикъ,
Во мнѣ тревожа мракъ,
Въ стѣнѣ жучокъ-точильщикъ
Твердилъ: „Тикъ-такъ. Тикъ-такъ".

Равняя звуки точкамъ,
Началу всѣхъ началъ,
Онъ тонкимъ молоточкомъ
Стучалъ, стучалъ, стучалъ.

И атомы напѣва,
Сплетаясь въ тишинѣ,
Спокойно и безъ гнѣва
„Умри“ твердили мнѣ.

И мертвый, бездыханный,
Какъ трупъ задутыхъ свѣчъ,
Я слушалъ въ скорби странной
Вѣщательную рѣчь.

И тише кто-то, тише,
Шептался обо мнѣ.
И капли съ темной крыши
Стекали по стѣнѣ.

ВЛАГА.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково млѣетъ прохлада.
„Милый! Мой милый!“—Свѣтло,
Сладко отъ бѣглаго взгляда.

Лебедь уплылъ въ полумглу,
Вдаль, подъ Луною бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольно ловлю
Лепетъ зеркальнаго лона.
„Милый! Мой милый! Люблю!“—
Полночь глядитъ съ небосклона.

ВЪ МОЕМЪ САДУ.

Въ моемъ саду мерцаютъ розы бѣлыя,
Мерцаютъ розы бѣлыя и красныя,
Въ моей душѣ дрожатъ мечты несмѣлыя,
Стыдливыя, но страстныя.

Тебя я видѣлъ только разъ, любимая,
Но только разъ мечта съ мечтой встрѣчается,
Въ моей душѣ любовь непобѣдимая
Горитъ и не кончается.

Лицо твое я вижу поблѣднѣвшее,
Волну волосъ, какъ пряди сновъ согласныя,
Въ глазахъ твоихъ признанье потемнѣвшее,
И губы, губы красныя.

Съ тобой позналъ я только разъ, любимая,
То яркое, что счастьемъ называется,
О, тѣнь моя, безплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь—пьяна, какъ гроздья спѣлыя,
Въ моей душѣ—звучатъ призывы страстные,
Въ моемъ саду—сверкаютъ розы бѣлыя
И ярко, ярко-красныя.

ХОЧУ.

Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
Изъ сочныхъ гроздій вѣнки свивать.
Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать!

Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья въ одно сольемъ.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мнѣ сладко съ нею побыть вдвоемъ!

Пусть будетъ завтра и мракъ и холодъ,
Сегодня сердце отдамъ лучу.
Я буду счастливъ! Я буду молодъ!
Я буду дерзокъ! Я такъ хочу!

* * *

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ.
—Какъ темное море глубоко,
Какъ дышутъ края облаковъ!

Она не твердила: „Не надо“,
Обѣтовъ она не ждала.
—Какъ сладостно дышетъ прохлада.
Какъ таетъ вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утратъ.
—Какъ сказочно свѣтятъ созвѣздья,
Какъ звѣзды безсмертно горятъ!

ЕЩЕ НЕОБХОДИМО.

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внѣшнимъ и жестокимъ, быть нѣжнымъ безъ конца,
И всѣхъ манить волненьемъ красиваго лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:—
Мы всѣ стремимся къ Богу, мы тянемся къ Нему,
Но Богъ всегда уходитъ, всегда къ Себѣ маня,
И хочетъ тьмы—за свѣтомъ, и послѣ ночи—дня.

Всегда разнообразныхъ, Онъ хочетъ новыхъ сновъ
Хотя бы безобразныхъ, мучительныхъ міровъ,
Но только полныхъ жизни, бросающихъ свой крикъ,
И гаснущихъ покорно, создавши новый мигъ.

И маятникъ всемірный, незримый для очей,
Ведетъ по лабиринту разсвѣтовъ и ночей.
И сонмы звѣздъ несутся по страшному пути.
И Богъ всегда уходитъ. И мы должны идти.

ГОЛОСЪ ЗАКАТА.

Я отошедшій день, какихъ немного было
На памяти твоей, мечтающій мой братъ.
Я предвечернее свѣтило,
Побѣдно-огненный закатъ.

Всѣ краски, сколько ихъ сокрыто въ силѣ свѣта,
Я въ мысль одну вложилъ, которая горитъ,
Въ огонь рубиновый одѣта
И въ нѣжно-дымный хризолитъ.

Многоразличныя созвучія сіянья
По небу разбросавъ, я всѣ ихъ слилъ въ одно:—
Въ восторгъ предсмертнаго сознанья,
Что мнѣ блаженство суждено.

Такъ пышно я горю, такъ радостно-тревожно,
Въ воздушныхъ облакахъ такъ пламенно сквозя,
Что быть прекраснѣй—невозможно,
И быть блаженнѣе—нельзя.

Гляди же на меня, о, духъ мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:—
Я блескъ бездонности зеркальной
Роскошно гаснущаго дня.

Любите ваши сны безмѣрною любовью,
О, дайте вспыхнуть имъ, а не безсильно тлѣть,
Сознавъ, что теплой алой кровью
Вамъ нужно ихъ запечатлѣть.

ГИМНЪ ОГНЮ.

1.

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,
Блестящій, живой!

2.

Безшумный въ мерцаньи церковной свѣчи,
Многошумный въ пожарѣ,
Глухой для мольбы, многоликій,
Многоцвѣтный при гибели зданій,
Проворный, веселый, и страстный,
Такъ побѣдно-прекрасный,
Что когда онъ сжигаетъ мое,
Не могу я не видѣть его красоты,—
О, красивый Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты!

3.

Ты мѣняешься вѣчно,
Ты повсюду—другой.
Ты красный и дымный
Въ клокотаньи костра.

Ты какъ страшный цвѣтокъ съ лепестками изъ пламени,
Ты какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы.
Ты трепещешь, какъ желтое пламя свѣчи
Съ его голубымъ основаньемъ.
Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницъ
Ты, застывши, горишь въ грозовыхъ облакахъ,
Фіолетовыхъ, аспидно-синихъ.
Ты средь шума громовъ и напѣва дождей
Возникаешь невѣрностью молній,
То изломомъ сверкнешь,
То сплошной полосой,
То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
Золотой, огневой,
Съ перемѣнными красными пятнами.
Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометъ.
Ты отъ отъ Солнца идешь и, какъ солнечный свѣтъ,
Согрѣвательно входишь въ растенья,
И будя, и мѣняя въ нихъ тайную влагу,
То засвѣтишься алой гвоздикой,
То зашепчешь какъ колосъ пушистый.
То протянешься пьяной лозой.
Ты какъ искра встаешь
Изъ глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришелъ? Это ты!
Черезъ мигъ ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страннѣй, нѣтъ свѣтлѣй красоты!

4.

Не устану тебя восхвалять.
О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
На тебѣ расплавляютъ металлы.

Близь тебя создають и кують,
Много тяжкихъ подковъ,
Много косъ легкозвонныхъ,
Чтобъ косить, чтобъ косить,
Много колецъ, для пальцевъ лилейныхъ,
Много колецъ, чтобъ жизни сковать,
Чтобы въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, годы долгіе быть,
И устами остывшими слово „Любить"
Повторять.
Много можешь ты странныхъ вещей создавать,
Полносложность орудій, чтобъ горы дробить,
Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
И отточенный ножъ, чтобъ убить!

5.

Вездѣсущій Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты,
Я такой же, какъ ты.
О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!
Въ старину ты, какъ Змѣй, прилеталъ безъ конца,
И невѣстъ похищалъ отъ вѣнца,
И, какъ огненный гость, много разъ, въ старину,
Ты утѣшилъ чужую жену.
О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!
Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ слоевъ.
Ты горишь какъ багряный, какъ темный, какъ желтый,
Весь согрѣтый измѣнчивымъ золотомъ, праздникъ осеннихъ листовъ.
Ты блестишь какъ двѣнадцатицвѣтный алмазъ,
Какъ кошачья ласкательность женскихъ влюбляющихъ глазъ,
Какъ восторгъ изумрудный волны Океана,

Въ тотъ мигъ какъ она преломляется,
Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дрожитъ и
качается,
Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
Какъ мерцанье бродячихъ огней,
Какъ зажженные свѣтомъ вечернимъ края облаковъ,
Распростершихъ свой трауръ надъ ликомъ сожженныхъ
и гаснущихъ дней!

6.

Я помню, Огонь,
Какъ сжигалъ ты меня,
Межь колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки Огня.
Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночнаго шабаша,
Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Былъ не страшенъ Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящія зданія,
Гдѣ сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Межь невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
И при звукахъ молитвъ, съ изступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю силъ.
Я помню, Огонь, я тебя полюбилъ!

7.

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сіянье для насъ,
Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ глазъ.
Въ немъ внезапное знанье, въ немъ ужасъ, восторгъ
Предъ безмѣрностью новыхъ глубокихъ пространствъ.

Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
Кто облекъ ихъ въ лучи многозвѣздныхъ убранствъ?
Я уйду за отвѣтомъ!
О, душа восходящей стихіи, стремящейся въ твердь,
Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнущимъ свѣтомъ
Засвѣтилась мнѣ —Смерть!

БЕЗУМНЫЙ ЧАСОВЩИКЪ.

Межь древнихъ горъ жилъ сказочный старикъ,
Безуміемъ объятый необычнымъ.
Онъ былъ богачъ, поэтъ—и часовщикъ.

Онъ былъ богатъ во многомъ и въ различномъ.
Владѣлъ землей, морями, сонмомъ горъ,
Вѣтрами, даже Небомъ безграничнымъ.

Онъ былъ поэтъ, и сочеталъ въ узоръ
Незримыя, безгласныя созданья,
Въ чьихъ обликахъ былъ краснорѣчьемъ—взоръ.

Шли годы внѣ разлада, внѣ страданья,
Онъ былъ бы лишь поэтомъ навсегда,
Но возъимѣлъ безумное мечтанье.

Слова онъ раздѣлилъ на нѣтъ и да,
Онъ бросилъ чувства въ область раздвоенья.
И дня и ночи встала череда.

А чтобъ вѣрнѣе было ихъ значенье,
Чтобы означить слѣдъ ихъ полосы,
Ихъ двойственность, ихъ смѣну и теченье,—

Поэтъ безумный выдумалъ часы.
Ихъ дикій строй снабдилъ онъ голосами:
Одни изъ нихъ плѣнительной красы,—

Поютъ, звенятъ; другіе воютъ псами;
Смѣются; говорятъ; кричатъ, скорбя.
Такъ весь свой домъ увѣсилъ онъ часами.

И вѣчность звукомъ времени дробя,
Часы идутъ путемъ круговращенья,
Не уставая повторять себя.

Но самъ создавъ ихъ голосъ какъ внушенье,
Безумный часовщикъ, съ теченьемъ лѣтъ
Сталъ чувствовать къ ихъ рѣчи отвращенье.

Въ его дворцѣ молчанья больше нѣтъ,
Часы кричатъ, хохочутъ, шепчутъ смутно,
И на мечту, звеня, кладутъ запретъ.

Ихъ стрѣлки, уходя ежеминутно,
Мѣняютъ свѣтъ на тѣнь, и день на ночь,
И все клянутъ, и все клянутъ попутно.

Не въ силахъ отвращенья превозмочь,
Безумный часовщикъ, въ припадкѣ гнѣва.
Рѣшилъ прогнать созвучья эти прочь,—

Лишить часы ихъ дикаго напѣва:
И вотъ, раскрывъ ихъ внутренній составъ,
Онъ вертитъ цѣпь направо и налѣво.

Но строй ли измѣнился въ нихъ и сплавъ,
Иль съ ними приключилось чарованье,
Они явили самый дерзкій нравъ,—

И подняли такое завыванье,
И начали такъ яростно звенѣть,
Что часовщикъ забылъ негодованье,—

И слыша проклинающую мѣдь,
Какъ трупами испуганный анатомъ,
Отъ ужаса лишь могъ закаменѣть.

А между тѣмъ часы, гудя набатомъ,
Все громче хаосъ воплей громоздятъ,
И каждый звукъ,—неустранимый атомъ.

Имъ вторятъ горы, море, плѣнный адъ,
И вѣтры, напоенные проклятьемъ,
Въ пространствахъ сновъ кружатъ, кружатъ, кружатъ.

Рожденные чудовищнымъ зачатьемъ,
Межъ древнихъ горъ мятутся нѣтъ и да,
Враждебные, слились однимъ объятьемъ,—

И больше не умолкнутъ никогда.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Закрывъ глаза, я слушаю безгласно,
Какъ гаснетъ шумъ смолкающаго дня,
Въ моей душѣ торжественно и ясно.

Послѣдній свѣтъ закатнаго огня,
Въ окно входя цвѣтною полосою,
Ласкательно баюкаетъ меня.

Опустошенный творческой грозою,
Блаженно стынетъ нѣжащійся духъ,
Какъ стебли травъ, забытые косою.

Я весь преображаюсь въ чуткій слухъ,
И внемлю чье-то дальнее рыданье,
И близкое ко мнѣ жужжанье мухъ.

Я замеръ въ сладкой дремѣ ожиданья.
Вотъ-вотъ кругомъ сольется все въ одно,
Я въ музыкѣ всемірнаго мечтанья.

Все то, что во Вселенной рождено,
Куда-то въ пропасть мчится по уклонамъ,
Какъ мертвый камень падаетъ на дно.

Одинъ—свѣтло смѣясь, другой—со стономъ,
Всѣ падаютъ, какъ звуки съ тонкихъ струнъ,
И міръ объятъ красиво скорбнымъ звономъ.

Я вижу много дальнихъ снѣжныхъ лунъ,
Я вижу изумрудныя планеты,
По ихъ морямъ не пѣнится бурунъ.

На нихъ иные призраки и свѣты.
И я въ безмолвномъ счастьи сознаю,
Что для меня не всѣ созвучья спѣты.

Я радуюсь иному бытію,
Гармонію планетъ воспринимаю,
И самъ—въ дворцѣ души своей—пою.

Просторамъ звѣздъ ни грани нѣтъ, ни краю.
Пространства звоновъ полны торжествомъ,
И, все понявъ, я смыслы ихъ впиваю.

Исходный лучъ въ сплетеньи міровомъ,
Мой разумъ слитъ съ безбрежностью блаженства,
Поющаго о мертвомъ и живомъ.

Да будутъ пытки! Въ этомъ совершенство.
Да будетъ боль стремленій безъ конца!
Отъ рабства мглы—до яркаго главенства!

Мы звенья вкругъ созвѣзднаго кольца,
Прогалины среди вѣтвей сплетенныхъ,
Мы свѣтотѣнь разумнаго лица.

Лучами нашихъ сновъ освобожденныхъ
Мы тянемся къ безмѣрной Красотѣ
Въ моряхъ сознанья, звонкихъ и бездонныхъ.

Мы каждый мигъ—и тѣ же и не тѣ,
Великая расторгнута завѣса,
Мы быстро мчимся къ сказочной чертѣ,—

Какъ наши звѣзды къ звѣздамъ Геркулеса.

ИЗЪ КНИГИ

„ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ“

МОСКВА
1903

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на Міръ. Не помню ни о чемъ.
Я вижу свѣтъ, и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пьянъ

Какъ лучъ горитъ на пальцахъ у меня.
Какъ сладко мнѣ присутствіе огня.
Смѣшалось все. Людское я забылъ.
Я въ міровомъ. Я въ центрѣ вѣчныхъ силъ.

Какъ радостно быть жаркимъ и сверкать.
Какъ весело мгновенія сжигать.
Со свѣтлыми я свѣтомъ говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ.

Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Васъ я не зову!

СНѢЖИНКА.

Свѣтло-пушистая,
Снѣжинка бѣлая,
Какая чистая,
Какая смѣлая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣстную
Страну низринула.

Въ лучахъ блистающихъ
Скользитъ, умѣлая,
Средь хлопьевъ тающихъ
Сохранно-бѣлая.

Подъ вѣтромъ вѣющимъ
Дрожитъ, взметается,
На немъ, лелѣющемъ,
Свѣтло качается.

Его качелями
Она утѣшена,
Съ его мятелями
Крутится бѣшено.

Но вотъ кончается
Дорога дальная,
Земли касается
Звѣзда кристальная.

Лежитъ пушистая,
Снѣжинка смѣлая.
Какая чистая,
Какая бѣлая!

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Мнѣ хочется снова дрожаній качели,
Въ той липовой рощѣ, въ деревнѣ родной,
Гдѣ утромъ фіалки во мглѣ голубѣли,
Гдѣ мысли робѣли такъ странно весной.

Мнѣ хочется снова быть кроткимъ и нѣжнымъ,
Быть снова ребенкомъ, хотя бы въ другомъ,
Но только бъ упиться бездоннымъ, безбрежнымъ,
Въ раю бѣлоснѣжномъ, въ раю голубомъ.

И если любилъ я безумныя ласки,
Я къ нимъ остываю, совсѣмъ, навсегда,
Мнѣ нравится вечеръ, и дѣтскіе глазки,
И тихія сказки, и снова звѣзда.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

Въ замкѣ былъ веселый балъ,
Музыканты пѣли.
Вѣтерокъ въ саду качалъ
Легкія качели.

Въ замкѣ, въ сладостномъ бреду,
Пѣла, пѣла скрипка.
А въ саду была въ пруду
Золотая рыбка.

И кружились подъ Луной,
Точно вырѣзныя,
Опьяненныя Весной,
Бабочки ночныя.

Прудъ качалъ въ себѣ звѣзду,
Гнулись травы гибко.
И мелькала тамъ въ пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видѣли ея
Музыканты бала,
Но отъ рыбки, отъ нея,
Музыка звучала.

Чуть настанетъ тишина,
Золотая рыбка
Промелькнетъ, и вновь видна
Межь гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучитъ,
Пѣсня раздается.
И въ сердцахъ Любовь журчитъ,
И Весна смѣется.

Взоръ ко взору шепчетъ: „Жду!“
Такъ свѣтло и зыбко.
Оттого, что тамъ въ пруду—
Золотая рыбка.

* * *

Ты мнѣ была сестрой, то нѣжною, то страстной,
И я тебя любилъ, и я тебя люблю.
Ты призракъ дорогой... блѣднѣющій... неясный...
О, въ этотъ лунный часъ я о тебѣ скорблю!

Мнѣ хочется, чтобъ Ночь, раскинувшая крылья,
Воздушной тишиной соединила насъ.
Мнѣ хочется, чтобъ я, исполненный безсилья,
Въ твои глаза струилъ огонь влюбленныхъ глазъ.

Мнѣ хочется, чтобъ ты, вся блѣдная отъ муки,
Подъ лаской замерла, и цѣловалъ бы я
Твое лицо, глаза, и маленькія руки,
И ты шепнула бъ мнѣ: „Смотри, я вся—твоя!"

Я знаю, всѣ цвѣты для насъ могли возникнуть,
Во мнѣ дрожитъ любовь, какъ лунный лучъ въ волнѣ.
И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть:—
„Ты будешь навсегда любовной пыткой мнѣ!"

* * *

Прозвенитъ ли вдали колокольчикъ,
Колокольчикъ, во мглѣ убѣгающій,—
Догораетъ ли мѣсяцъ за тучкой,
Тамъ за тучкой, блѣднѣющей, тающей,—

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной!—
Надъ водой, надъ рѣкой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной,—

Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и въ сердцѣ хранимая,—
Вдругъ я вижу, что ты не забыта,
Позабытая, горько-любимая.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ.

Есть въ Русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящія дали.

Приди на разсвѣтѣ на склонъ косогора,—
Надъ зябкой рѣкою дымится прохлада,
Чернѣетъ громада застывшаго бора,
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.

Недвижный камышъ. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко-далеко.
Во всемъ утомленье, глухое, нѣмое.

Войди на закатѣ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада,—
Деревья такъ сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.

Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

* * *

Когда я былъ мальчикомъ, маленькимъ, нѣжнымъ,
Былъ кротокъ мой взоръ и глубокъ.
Ты знаешь, что утромъ, предъ моремъ безбрежнымъ,
Горитъ золотистый песокъ?

Когда я былъ юношей, робкимъ и страннымъ,
Я вѣчной былъ полонъ тоской.
Ты знаешь, что вечеромъ, въ свѣтѣ туманномъ,
Русалки поютъ надъ рѣкой?

Когда я сталъ страстнымъ, желаннымъ и властнымъ,
Цѣлую я всѣхъ на пути.
Ты знаешь, что ночью, въ туманѣ неясномъ
Такъ страшно, такъ страшно идти?

КЪ НОЧИ.

Вспоенная соленой морскою глубиной,
Вся дышащая влагой, мечтой, и тишиной.—
О, Ночь, побудь со мной,
О, Ночь, побудь моей,
Дай мнѣ побыть во снѣ,
Въ бездонной глубинѣ,
Гдѣ скрыты зерна дней.

Окутанная дымомъ сожженныхъ вечеровъ,
Дочь Хаоса нѣмая, любимица вѣковъ,—
О, Ночь, пошли мнѣ сновъ,
Мою печаль развѣй,
О, Ночь, люби меня,
Я такъ усталъ отъ Дня,
Хотя я жажду дней.

Ты, капище видѣній, свобода всѣхъ рабовъ,
Колдунья преступленій и самыхъ нѣжныхъ словъ,—
О, Ночь, сгусти покровъ
Своихъ густыхъ тѣней,
Чтобъ мнѣ забыть себя,
Чтобъ снова жить, любя
Рожденье новыхъ дней.

Въ одеждѣ изъ созвѣздій, гдѣ каждая звѣзда
Живетъ тысячелѣтья, и вѣчно молода,—
О, Ночь, живи всегда,
О, Ночь, свой мракъ лелѣй,
Чтобъ въ блескѣ красоты
Еще цвѣли цвѣты
Не мнѣ цвѣтущихъ дней.

У МОРЯ НОЧЬЮ.

У Моря ночью, у Моря ночью
Темно и страшно. Хруститъ песокъ.
О, какъ мнѣ больно у Моря ночью.
Есть гдѣ-то счастье. Но путь далекъ.

Я вижу звѣзды. Одна мнѣ свѣтитъ
Другихъ свѣтлѣе и всѣхъ нѣжнѣй.
Но, если сердце ее отмѣтитъ,
Она далеко, не быть мнѣ съ ней.

Я умираю у Моря ночью.
Песокъ затянетъ, зальетъ волна.
У Моря ночью, у Моря ночью
Меня полюбитъ лишь Смерть одна.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

ПРЕРЫВИСТЫЯ СТРОКИ.

Въ старинномъ домѣ есть высокій залъ,
Ночью въ немъ слышатся тихіе шаги,
Въ полночь оживаетъ въ немъ глубина зеркалъ,
И изъ нихъ выходятъ друзья и враги.

Бойтесь безмолвныхъ людей,
Бойтесь старыхъ домовъ,
Страшитесь мучительной власти несказанныхъ словъ,
Живите, живите—мнѣ страшно—живите скорѣй.

Кто въ мертвую глубь враждебныхъ зеркалъ
Когда-то бросилъ безотвѣтный взглядъ,
Тотъ зеркаломъ скованъ, и высокій залъ
Населенъ тѣнями и люстры въ немъ горятъ.

Канделябры тяжелыя свѣтъ свой льютъ,
Безжизненно тянутся отсвѣты свѣчей.
И въ залъ, въ этотъ страшный призрачный пріютъ
Привидѣнья выходятъ изъ зеркальныхъ зыбей.

Есть что-то змѣиное въ движеніи томъ,
И музыкой змѣиною вальсъ поетъ,
Шорохи, шелесты, шаги... О, старый домъ,
Кто въ тебя дневной неполночный свѣтъ прольетъ?

Кто въ тебѣ тяжелыя двери распахнетъ?
Кто воскреситъ неразсказанность мечты?
Кто сниметъ съ насъ этотъ мучительный гнетъ?
Мы только отраженія зеркальной пустоты.

Мы кружимся бѣшено одинъ лишь часъ,
Мы носимся съ бѣшенствомъ скорѣе и скорѣй,
Дробятся мгновенія и гонятъ насъ,
Нѣтъ выхода, и нѣтъ привидѣніямъ дверей.

Мы только сплетаемся въ пляскѣ на мигъ,
Мы кружимся, не чувствуя за окнами Луны,
Предъ каждымъ и съ каждымъ его же двойникъ,
И вновь мы возвращаемся въ зеркальность глубины.

Мы, мертвые, уходимъ незримо туда,
Гдѣ будто бы все ясно и холодно-свѣтло,
Намъ нѣтъ возрожденья, не будетъ никогда,
Что̀ сказано—отжито, не сказано—прошло.

Бойтесь старыхъ домовъ,
Бойтесь тайныхъ ихъ чаръ,
Домъ тѣмъ болѣе жаденъ, чѣмъ онъ болѣе старъ,
И чѣмъ старше душа, тѣмъ въ ней больше задавленныхъ словъ.

ГИМНЪ СОЛНЦУ.

1.

Жизни податель,
Свѣтлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сдѣлай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и Создатель,
Страшный сжигающій Свѣтъ!
Дай мнѣ—на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,
Лучшаго въ Мірѣ
Счастія нѣтъ!

2.

О, какъ, должно-быть, было это Утро
Единственно въ величіи своемъ,
Когда въ рубинахъ, въ нѣгѣ перламутра,
Зажглось ты первымъ творческимъ лучомъ.

Надъ Хаосомъ, гдѣ каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвѣтъ,
Во всемъ была живая полносложность
Все было „Да", не возникало „Нѣтъ".

Въ ликующемъ и пьяномъ Океанѣ
Тьмы темъ очей глубокихъ ты зажгло,
И не было нигдѣ для счастья грани,
Любились всѣ, такъ жадно и свѣтло.

Дѣйствительность была равна съ мечтою,
И такъ же близь была свѣтла, какъ даль.
Чтобъ пѣсни трепетали красотою,
Не надо было въ нихъ влагать печаль.

Все было многолико и едино,
Все нѣжило и чаровало взглядъ,
Когда изъ перламутра и рубина
Въ то Утро ты соткало свой нарядъ.

Потомъ, вспоивъ столѣтья, милліоны
Горячихъ, огнецвѣтныхъ, страстныхъ дней,
Ты жизнь вело чрезъ выси и уклоны,
Но въ каждый взоръ вливало блескъ огней.

И много разъ ликъ Міра измѣнялся,
И много протекло могучихъ рѣкъ,
Но громко голосъ Солнца раздавался,
И пѣсню крови слышалъ человѣкъ.

„О, дѣти Солнца, какъ они прекрасны!"—
Тотъ возгласъ перешелъ изъ устъ въ уста.
Въ тѣ дни лобзанья вѣчно были страстны,
Въ лицѣ красива каждая черта.

То въ Мексикѣ, гдѣ въ таинствахъ жестокихъ
Цвѣли такъ страшно красные цвѣты,—
То въ Индіи, гдѣ въ душахъ свѣтлоокихъ
Сложился блескъ ума и красоты,—

То тамъ, гдѣ Написъ, весь согрѣтый кровью,
Склонивъ чело, на немъ являлъ звѣзду,
И, съ нимъ любя безстрашною любовью,
Лобзались люди въ храмахъ, какъ въ бреду,—

То между сновъ пластической Эллады,
Гдѣ Діонисъ царилъ и Аполлонъ,—
Вездѣ ты лило блескъ въ людскіе взгляды,
И разумъ міра въ Солнце былъ влюбленъ.

Какъ не любить свѣтило золотое,
Надежду запредѣльную Земли.
О, вѣчное, высокое, святое,
Созвучью нѣжныхъ строкъ моихъ внемли!

3.

Я все въ тебѣ люблю. Ты намъ даешь цвѣты,
Гвоздики алыя, и губы розъ, и маки,
Изъ безразличья темноты
Выводишь Міръ, томившійся во мракѣ,
Къ красивой цѣльности отдѣльной красоты,
И въ слитномъ Хаосѣ являются черты.
Во мглѣ, что предъ тобой, вдругъ дрогнувъ, подается,
Встаютъ—они и мы, глядятъ—и я и ты,
Ростетъ, поетъ, сверкаетъ, и смѣется,
Ликуетъ празднично все то,
Въ чемъ лучъ горячей крови бьется,
Что ночью было какъ ничто.

Безъ Солнца были бы мы темными рабами,
Внѣ пониманія, что есть лучистый день,
Но самоцвѣтными камнями
Теперь мечты горятъ, намъ зримы свѣтъ и тѣнь.

Безъ Солнца облака—тяжелыя, густыя,
Недвижно-мрачныя, какъ тягостный утесъ,
Но только ты взойдешь,—воздушно-золотыя,
Они воздушнѣй дѣтскихъ грезъ,
Нѣжнѣй, чѣмъ мысли молодыя.

Ты не взойдешь еще, а міръ уже поетъ,
Надъ соснами гудитъ звенящій вѣтеръ Мая.
И влагой синею поишь ты небосводъ,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

И вотъ твой яркій дискъ на Небеса взошелъ,
Превыше вѣчныхъ горъ, горишь ты надъ богами,
И люди Солнце пьютъ, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глазъ, привыкшихъ видѣть долъ,
На Солнце лишь глядитъ орелъ,
Когда летитъ надъ облаками.

Но, не глядя на ликъ, что ослѣпляетъ всѣхъ,
Мы чувствуемъ тебя въ громахъ, въ нѣмой былинкѣ,—
Когда, желанный намъ, услышимъ звонкій смѣхъ,
Когда увидимъ лучъ, средь чащи, на тропинкѣ.

Мы чувствуемъ тебя въ рѣкѣ полночныхъ звѣздъ,
И въ глыбахъ темныхъ тучъ, разорванныхъ грозою,
Когда межь нихъ горитъ, манящей полосою,
Воздушный семицвѣтный мостъ.

Тебя мы чувствуемъ во всемъ, въ чемъ блескъ алмазный,
Въ чемъ свѣтъ коралловый, жемчужный, иль иной.
Безъ Солнца наша жизнь была бъ однообразной,
Теперь же мы живемъ мечтою вѣчно-разной,
Но болѣе всего ласкаешь ты—весной.

4.

Свѣжей весной
Все-озаряющее,
Насъ опьяняющее,
Цвѣтомъ, лучомъ, новизной.—
Слабые стебли для жизни прямой укрѣпляющее,—
Ты, пребывающее
Съ нимъ, неизвѣстнымъ, съ тобою, любовь, и со мной!

Ты теплое въ радостно-грустномъ Апрѣлѣ,
Когда на зарѣ
Играютъ свирѣли,
Горячее въ лѣтней порѣ,
Въ палящемъ Іюлѣ,
Родящемъ зернистый и сочный приливъ
Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ,
Что въ свѣтѣ лучей утонули.
Ты жгучее въ Африкѣ, свѣтъ твой горитъ
Смертельно, въ часъ полдня, вблизи Пирамидъ,
И въ зыбяхъ песчаныхъ Сахары.
Ты страшное въ нашей Россіи лѣсной,
Когда, воспринявши палящій твой зной,
Рокочутъ лѣсные пожары.
Ты въ отблескахъ мертвыхъ, въ предѣлахъ тѣхъ странъ,
Гдѣ бѣлою смертью одѣтъ Океанъ,
Что люди зовутъ Ледовитымъ,—

Гдѣ стелются версты и версты воды,
И вѣчно звенятъ и ломаются льды,
Бѣлѣя подъ вѣтромъ сердитымъ.
Въ Норвегіи блѣдной—полночное ты,
Сіяньемъ полярнымъ глядишь съ высоты,
Горишь въ сочетаньяхъ нежданныхъ.
Ты тусклое тамъ, гдѣ взростаютъ лишь мхи,
Цѣпляются въ тундрахъ, глядятъ какъ грѣхи,
Въ краяхъ для тебя нежеланныхъ.
Но Солнцу и въ тундрахъ предѣльности нѣтъ,
Они получаютъ зловѣщій твой свѣтъ,
И, если есть черныя страны,
Гдѣ люди въ бреду и въ видѣньяхъ весь годъ,
Тамъ день есть межь днями, когда небосводъ
Мигъ правды даетъ за обманы.
И тотъ, кто томился весь годъ безъ лучей,
Въ мигъ правды богаче избранниковъ дней.

5.

Я тебя воспѣваю, о, яркое жаркое Солнце,
Но хоть знаю, что я и красиво нѣжно пою,
И хоть струны Поэта звончѣй золотого червонца,
Я не въ силахъ исчерпать всю властность, всю чару твою.

Если бъ я родился не Пѣвцомъ, истомленнымъ тоскою,
Если бъ былъ я звенящей блестящей свободной волной,
Я украсилъ бы берегъ жемчужиной—искрой морскою—
Но не зналъ бы я, сколько сокрыто ихъ всѣхъ глубиной.

Если бъ я родился не стремящимся жаднымъ Поэтомъ,
Я расцвѣлъ бы какъ ландышъ, какъ бѣлый влюбленный цвѣтокъ,
Но не зналъ бы я, сколько цвѣтовъ раскрывается лѣтомъ,
И душистые сны сосчитать я никакъ бы не могъ.

Такъ, тебя воспѣвая, о, счастье, о, Солнце святое,
Я лишь частію слышу ликующій жизненный смѣхъ,
Все люблю я въ тебѣ, ты во всемъ и всегда—молодое,
Но сильнѣе всего то, что въ жизни горишь ты — для всѣхъ.

6.

Люблю въ тебѣ, что ты, согрѣвъ Франциска,
Воспѣвшаго тебя, какъ я пою,
Ласкаешь тѣмъ же свѣтомъ василиска,
Лелѣешь нѣжныхъ птичекъ и змѣю.

Мѣняешь безконечно сочетанья
Людей, звѣрей, планетъ, ночей, и дней,
И насъ ведешь дорогами страданья,
Но насъ ведешь къ Безсмертію Огней.

Люблю, что тотъ же самый свѣтъ могучій,
Что насъ ведетъ къ немеркнущему Дню,
Струитъ дожди, порвавши сумракъ тучи,
И пріобщаетъ нѣжныхъ дѣвъ къ огню.

Но, если, озаряя и цѣлуя,
Касаешься ты мыслей, губъ, и плечъ,
Въ тебѣ всего сильнѣе то люблю я,
Что можешь ты своимъ сіяньемъ—сжечь.

Ты явственно на стоны отвѣчаешь,
Что выборъ есть межь сумракомъ и днемъ,
И ты невѣсту съ пламенемъ вѣнчаешь,
Когда въ душѣ горишь своимъ огнемъ.

Въ тотъ яркій день, когда владыки Рима
Въ послѣдній разъ вступили въ Карѳагенъ,
Они на пирѣ пламени и дыма
Разрушили оплотъ высокихъ стѣнъ,—

Но гордая супруга Газдрубала,
Наперекоръ побѣдному врагу,
Взглянувъ на Солнце, про себя сказала:—
„Еще теперь я побѣдить могу!"

И, окруживъ себя людьми, конями,
Какъ на престолъ, взошедши на костеръ,
Она слилась съ блестящими огнями,
И былъ тріумфъ—несбывшійся позоръ.

И вспыхнуло не то же ли сіянье
Для двухъ, чья страсть была сильнѣй, чѣмъ міръ,
Въ любовникахъ, чьи жаркія лобзанья
Черезъ вѣка почувствовалъ Шекспиръ.

Плѣнительна, какъ солнечная сила,
Та Клеопатра, съ пламенемъ въ крови,
Плѣнителенъ, предъ этой змѣйкой Нила,
Антоній, сжегшій умъ вь огнѣ любви.

Полубогамъ великаго Заката
Ты вспыхнуло въ вѣкахъ пурпурнымъ днемъ,
Какъ намъ теперь, закатностью богато,
Сіяешь алымъ красочнымъ огнемъ.

Ты ихъ сожгло. Но въ свѣтлой мглѣ забвенья
Землѣ сказало: „Снова жизнь готовь!“—
Надъ ихъ могилой—легкій звонъ мгновенья,
Пылаютъ маки, красные, какъ кровь.

И какъ въ великой грезѣ Македонца
Царилъ надъ всей Землею умъ одинъ,
Такъ ты одно царишь надъ міромъ, Солнце,
О, міровой закатный нашъ рубинъ!

И въ этотъ часъ, когда я въ нѣжномъ звонѣ
Слагаю пѣснь высокому Царю,
Ты жжешь костры въ глубокомъ небосклонѣ,
И я свѣтло, сжигая жизнь, горю!

7.

О, Міроздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты въ полногласной
Сказкѣ прекрасной
Сдѣлало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и создатель,
Мудро сжигающій—Свѣтъ!
Радъ я на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,
Лучшаго въ Мірѣ
Счастія нѣтъ!

ИЗЪ КНИГИ

„ЛИТУРГІЯ КРАСОТЫ"

МОСКВА
1905

И НѢТЪ ПРЕДѢЛОВЪ.

Ты создалъ мыслію своей
Боговъ, героевъ, и людей,
Зажегъ несчетности свѣтилъ,
И ихъ звѣрями населилъ.

Отъ края къ краю—зовъ зарницъ,
И вольны въ высяхъ крылья птицъ,
И звонко пѣнье вешнихъ струй,
И сладко-влаженъ поцѣлуй.

А Смерть возникнетъ въ свой чередъ,—
Кто выйдетъ здѣсь, тотъ тамъ войдетъ,
У Жизни множество дверей,
И Жизнь стремится все быстрѣй.

Всѣ звѣри въ страсти горячи,
И Солнце жарко льетъ лучи,
И нѣтъ предѣловъ для страстей
Боговъ, героевъ, и людей.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ФАТА-МОРГАНА".

1. ПРЕДРАЗСВѢТНО-ЛЕПЕСТКОВЫЙ.

Неназываемый цвѣтокъ,
Который нѣженъ и прелестенъ,
И каждой дѣвушкѣ извѣстенъ,
Какъ всѣмъ пѣвцамъ рожденье строкъ.

Неназываемый цвѣтокъ,
Что только разъ одинъ алѣетъ,
И повторяться не умѣетъ,
Но все вложилъ въ одинъ намекъ.

Неназываемый цвѣтокъ.

2. ЗОЛОТИСТЫЙ.

Лютикъ золотистый,
Греза влажныхъ мѣстъ,
Лугъ, и шелкъ цвѣтистый,
Свѣтлый сонъ невѣстъ.

Пляска брызгъ огнистыхъ
Въ пламени костровъ,
Между красно-мглистыхъ
Быстрыхъ огоньковъ.

Колосъ, отягченный
Числами зерна,
Вечеръ позлащенный,
Полная Луна.

3. НѢЖНО-ЛИЛОВЫЙ.

Колокольчикъ на опушкѣ лѣса,
Съ звонами, что внятны слуху фей,
Бархатисто-пышная завѣса
Возлѣ лиловатыхъ орхидей.

Въ лепетѣ романса—цвѣтъ сирени,
Садъ мечты, и въ немъ упавшій листъ,
Въ красочномъ контрастѣ—свѣтъ и тѣни,
На рукѣ лилейной—аметистъ.

4. ОПАЛОВО-ЗИМНІЙ.

Мелкій слой чуть выпавшаго снѣга,
Серпъ Луны въ лазури блѣдно-синей,
Сѣть вѣтвей, узорная ихъ нѣга,
Кружевомъ на всемъ—воздушный иней.

Духовъ серебристыхъ замокъ стройный,
Сонмы фей въ сплетеньяхъ менуэта,
Танецъ блестокъ, матово-спокойный,
Балъ снѣжинокъ, вымышленность свѣта.

ОТЗВУКИ БЛАГОВѢСТА.

Въ недвижности, въ безгласной летаргіи
Прибрежныхъ скалъ, молчащихъ надъ водой,—
Молчащихъ вѣкъ, вѣка, еще, другіе,
Молчащихъ въ безглагольной летаргіи,—
Есть смыслъ—какой?—не уловить мечтой,
Но только вѣчный, благостный, святой,
Сильнѣй, чѣмъ всѣ напѣвности морскія.

БОГЪ ОКЕАНЪ.

Волны морей, безпредѣльно-пустынно-шумящія,
Богъ Океанъ, многогласно-печально-взывающій,
Пѣнныя ткани, безцѣльно-воздушно-летящія,
Брызги съ воздушностью, призрачно-сказочно-тающей.

Горькія воды, туманно-холодно-безбрежныя,
Долгій напѣвъ, безконечно-томительно-длительный,
Волны морей, безъ конца-безъ конца-безнадежныя,
Богъ Океанъ, неоглядно-темно-утомительный.

НЕ ОБВИНЯЙ.

Не обвиняй, не обвиняй. Быть можетъ онъ неправъ,
Но онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ пучокъ душистыхъ травъ.
И онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ замуровать окно.
И Міръ Ночной, и Міръ Дневной идутъ къ тебѣ на дно.

Ты потонулъ. Ты здѣсь уснулъ. И встать не можешь ты.
Но вотъ въ тюрьмѣ глядятъ, ростутъ, и царствуютъ цвѣты.
На мѣстѣ томъ, гдѣ ты лежишь, какъ трупъ ты долженъ быть.
Но сердце знаетъ, что нельзя созвѣздья не любить.

Не обвиняй, не обвиняй—хотя бы потому,
Что обвиненьемъ все равно не повредишь ему,
А только сдѣлаешь свой взоръ тяжелымъ и больнымъ,
И, если вправду онъ не правъ, сравняешься ты съ нимъ.

А если то не случай былъ, что онъ забылъ цвѣты?
А если то не случай былъ, что Небо видишь ты?
Какъ взглянешь ты, когда онъ вдругъ въ тюрьмѣ откроетъ дверь,
Откроетъ дверь, что заперта, закована теперь!

Я знаю, больно ждать того, что только можетъ быть.
Но счастливъ тотъ, кто даже боль съумѣетъ полюбить.
Я знаю все. Мнѣ жаль тебя. Но чу! Цвѣты цвѣтутъ.
Мой братъ, я—духъ того, кто былъ—въ твоей тюрьмѣ—вотъ тутъ.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ.

Западъ и Сѣверъ объяты
Пламенемъ вечера соннаго.
Краски печально-богаты
Дня безвозвратно-сожженнаго.

Вѣтеръ шумитъ, не смолкая,
Между листовъ опадающихъ.
Съ крикомъ проносится стая
Птицъ, далеко улетающихъ.

Счастливъ, кто мудро наполнилъ
Хлѣбомъ амбары укромные.
Горе, кто трудъ не исполнилъ,
Горе вамъ, мыслями темные!

„PAX HOMINIBUS BONAE VOLUNTATIS“.

Миръ на Землѣ, миръ людямъ доброй воли,
Миръ людямъ воли злой желаю я.
Миръ тѣмъ, кто ослѣпленъ на бранномъ полѣ,
Миръ тѣмъ, въ чьихъ темныхъ снахъ живетъ Змѣя.

О, слава Солнцу пламенному въ вышнихъ,
О, слава Небу, звѣздамъ, и Лунѣ.
Но для меня нѣтъ въ Мірѣ больше лишнихъ,
Съ высотъ зову—и тѣхъ, кто тамъ, на днѣ.

Всѣ—въ Небесахъ, всѣ равны въ разной долѣ,
Я счастливъ такъ, что всѣхъ зову съ собой.
Идите въ Жизнь, миръ людямъ доброй воли,
Идите въ Жизнь, миръ людямъ воли злой.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ОГОНЬ“.

Огонь приходитъ съ высоты,
Изъ темныхъ тучъ, достигшихъ грани
Своей ростущей темноты,
И порождающей черты
Молніеносныхъ содроганій.
Огонь приходитъ съ высоты,
И, если онъ въ землѣ таится,
Онъ лавой вырваться стремится,
Изъ подземельной тѣсноты,
Когда жь съ высотъ лучомъ струится,
Онъ въ хороводъ зоветъ цвѣты.

Но что это? Дрогнувъ, мѣняются чары,
Какъ будто бы смѣхъ Соблазнителя-Мары,
Сорвавшись къ долинамъ съ вершинъ,
Мнѣ шепчетъ, что жадны, какъ звѣри, растенья,
И сдавленность воплей я слышу сквозь пѣнье,
И если мечтѣ драгоцѣнны каменья,
Кровавы гвоздики, и страшенъ рубинъ.

Мнѣ страшенъ угаръ ароматовъ и блесковъ расцвѣта.
Все смѣшалось во мнѣ,
Я горю какъ въ Огнѣ.
Душное лѣто.
Цвѣточный кошмаръ овладѣлъ распаленной мечтой,
Синіе пляшутъ огни, пляшетъ Огонь золотой,

Страшною стала мнѣ даже трава,
Вижу, какъ въ маревѣ, стебли нѣмые,
Пляшутъ и мысли кругомъ и слова.
Мысли—мои? Или, можетъ, чужія?

Закатное Небо. Костры отдаленные.
Гвоздики, и маки, въ своихъ сновидѣньяхъ безсонные.
Волчцы подъ Луной, привидѣнья они.
Обманные бродятъ огни
Пустырями унылыми.
Георгины тупые, съ цвѣтами застылыми,
Точно ихъ создала не Природа живая,
А измыслилъ въ безжизненный мигъ человѣкъ.
Одуванчиковъ стая сѣдая.
Милліоны раздавленныхъ красныхъ цвѣтовъ,
Клокотанье кроваво-окрашенныхъ рѣкъ.
Гнетъ пустыни надъ выжженной ширью песковъ.
Кактусы, цѣпкіе, хищные, сочные,
Странно-яркіе, тяжкіе, жаркіе,
Не по-цвѣточному прочные,
Что-то паучье есть въ кактусѣ зломъ,
Мысль онъ пугаетъ, хоть манитъ онъ взглядъ,
Этотъ ликующій цвѣтъ,
Смотришь—растенье, а можетъ быть—нѣтъ,
Алою кровью напившійся гадъ?

И много, и много отвратностей разныхъ,
Красивыхъ цвѣтовъ, и цвѣтовъ безобразныхъ,
Нахлынули, тянутся, въ мысляхъ—прибой,
Рожденный самою Судьбой.

Болиголовъ, наркозъ, съ противнымъ духомъ,—
Воронковидный вѣнчикъ бѣлены,
Затерто-желтый, съ сѣтью синихъ жилокъ,—

Съ оттѣнкомъ буро-краснымъ заразиха,
Съ покатой, шлемовидною губой,—
Подобный пауку, офрисъ, съ губою
Широкой, желто-бурою и красной,—
Колючее созданіе, татарникъ,
Какъ бы въ бронѣ крылоподобныхъ листьевъ,
Зубчатыхъ, паутинисто-шерстистыхъ,—
Дурманъ вонючій,—мертвенный морозникъ,—
Цвѣты отравы, хищности, и тьмы,—
Мыльнянка, съ корневищемъ ядовитымъ,
Взлюбившая края дорогъ, опушки
Лѣсныя, и рѣчные берега,
Мѣста, что въ самой сущности предѣльны,
Цвѣтокъ любимый бабочекъ ночныхъ,—
Вороній глазъ, съ приманкою изъ ягодъ,
Отливно-цвѣтныхъ, синевато-черныхъ,—
Пятнадцатилучистый-сложный зонтикъ
Изъ ядовитыхъ бѣленькихъ цвѣтковъ,
Зовущихся—такъ памятно—цикутой,—
И липкія исчадія земли,
Ужасныя растенья-полузвѣри,—
Въ лѣнивыхъ водахъ, медленно-текущихъ,
Въ затонахъ, гдѣ стоячая вода,
Вся полная сосудцевъ, пузырчатка,
Капканъ для водной мелочи животной,
Предъ жертвой открываетъ тонкій клапанъ,
Замкнетъ ее въ тюремномъ пузырькѣ,
И уморитъ, и лакомится гнилью,—
Росянка, ждетъ, какъ воръ, своей добычи,
Орудіемъ уродливыхъ желѣзокъ,
И красныхъ волосковъ, такъ липко-клейкихъ,
Улавливаетъ мухъ, ихъ убиваетъ,
Удавливаетъ медленнымъ сжиманьемъ—
О крабъ-цвѣтокъ!—и сокъ изъ нихъ сосетъ,

Болотная причудливость,—растенье,
Которое цвѣткомъ не хочетъ быть,
И хоть имѣетъ гроздь расцвѣтовъ бѣлыхъ,
На гада больше хочетъ походить.
Еще, еще, косматыя, сѣдыя,
Мохнатыя, жестокія видѣнья,
Измышленныя дьявольской мечтой,
Чтобъ сердце въ достовѣрнѣйшемъ, въ послѣднемъ
Убѣжищѣ, среди цвѣтовъ и листьевъ,
Убить.

Кошмаръ! уходи, я рожденъ, чтобъ ласкать и любить!
Для чаръ безпредѣльныхъ раскрыта душа,
И все, что живетъ, расцвѣтая, спѣша,
Привѣтствую, каждому—хочется быть,
Кѣмъ хочешь, тѣмъ будешь, будь вольнымъ, собой.
Ты черный? будь чернымъ, мой цвѣтъ—голубой,
Мой цвѣтъ будетъ бѣлымъ на вышнихъ горахъ,
Въ вертепахъ я веселъ, я страшенъ впотьмахъ,
Все, все я пріемлю, чтобъ сдѣлаться Всѣмъ,
Я слѣпъ былъ—я вижу, я глухъ былъ и нѣмъ,
Но какъ говорю я—вы знаете, люди,
А что я услышалъ, застывши въ безжалостномъ Чудѣ,
Скажу, но не все, не теперь,
Нѣтъ словъ, нѣтъ размѣровъ, ни знаковъ,
Чтобъ таинство блесковъ и мраковъ,
Явить въ полнотѣ,—только мигъ—и закроется дверь.
Песчинокъ блестящихъ я нѣсколько брошу,
Желаненъ мнѣ ликъ человѣка, и боги, растенья, и птицы, и звѣрь.

Но свѣтлую ношу,
Что въ сердцѣ храню,
Я долженъ пока сохранять, я поклялся, я клялся Огню.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ЗЕМЛЯ“.

1.

Странный міръ противорѣчья,
Каждый атомъ здѣсь иной,
Беззавѣтность, безсердечье,
Лютый холодъ, свѣтъ съ весной.

Каждый мигъ и каждый атомъ
Ищутъ счастія вездѣ,
Другъ за другомъ, братъ за братомъ,
Молятъ, жаждутъ: „Гдѣ же? Гдѣ?“

Каждый мигъ и каждый атомъ
Вдругъ съ себя свергаютъ грусть,
Любятъ, дышутъ ароматомъ,
Шепчутъ: „Гибнемъ? Что же! Пусть!“

И мечтаютъ, расцвѣтаютъ,
Нѣтъ предѣла ихъ мечтѣ.
И внезапно пропадаютъ,
Вдругъ исчезнутъ въ пустотѣ.

О, безпутница, весталка,
О, небесность, о, Земля!
Какъ тебѣ себя не жалко?
Кровью дышутъ всѣ поля.

Кровью дышутъ розы, маки,
И дневныя двѣ зари.
Вѣчно слышенъ стонъ во мракѣ:—
„Въ гробѣ тѣсно! Отвори!"

„Помогите! помогите!"—
Что за странный тамъ мертвецъ?
Взялъ я нити, сплелъ я нити,
Рву я нити, есть конецъ.

Если вѣчно видѣть то же
Кто захочетъ видѣть сонъ?
Тѣмъ онъ лучше, тѣмъ дороже,
Что мгновенно зыбокъ онъ.

Ярки маки, маки съ кровью,
Ярки розы, въ розахъ кровь,
Льни безстрашно къ изголовью
Спи смертельно, встанешь вновь.

Для тебя же—мракъ забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы въ зеркалѣ мгновенья
Ты красивымъ былъ опять.

Люди, травы, камни, звѣри,
Духи высшіе, что здѣсь,
Хоть въ незримой, близкой сферѣ,—
Міръ земной прекрасенъ весь.

Люди блѣдные, и травы,
Камни, звѣри, и цвѣты,
Всѣ въ своемъ явленьи правы,
Всѣ живутъ для Красоты.

Всѣ въ великомъ сложномъ Чудѣ—
И творенье, и творцы,
Служатъ страсти звѣри, люди,
Жизнь идетъ во всѣ концы.

Всюду звѣри, травы, камни,
Люди, люди, яркій сонъ.
Нѣтъ, не будетъ никогда мнѣ
Жаль, что въ Мірѣ я рожденъ!

Всѣ вражды и всѣ нарѣчья—
Буквы свитка моего,
Я люблю противорѣчья,—
Какъ сверкнуть мнѣ безъ него!

2.

Мѣрно, размѣрно земное страданіе,
Хоть безпримѣрно по виду оно.
Вижу я въ зеркалѣ сновъ и мечтанія,
Вижу глубокое дно.
Вѣчно есть вечеръ, съ нимъ свѣтъ обаянья,
Въ новомъ явленьи мечты и огни.

Въ тихіе лѣтніе дни
Слышится въ воздухѣ лѣтнемъ жужжанье,
Гулъ голосовъ,
Звонъ и гудѣнье, какъ будто бы пѣнье
Тысячъ, о, нѣтъ, миріадъ комаровъ.
Нѣтъ ихъ межь тѣмъ въ глубинѣ отдаленья,
Нѣтъ и вблизи. Это сонъ? Навожденье?
Это—подъятье воздушныхъ столбовъ.
Полосы воздуха вверхъ убѣгаютъ,
Полосы воздуха нѣжно сверкаютъ,

И непрерывность гудѣнья слагаютъ,
Улей воздушный въ садахъ облаковъ.

Мука долга, но короче, короче,—
Души предчувствуютъ лучшіе дни.
Въ свѣтлыя зимнія ночи
Въ Небо взгляни.
Видишь созвѣздья, и ихъ постоянства?
Видишь ты эту бездонность пространства?
Въ этихъ моряхъ есть свои жемчуга,
Души тамъ носятся въ пляскахъ навѣки,
Вихри тамъ просятся въ звѣздныя рѣки,
Всплески созвѣздныя бьютъ въ берега.
Чу, лишь сознанію внятныя струны,
Съ солнцами солнца, и съ лунами луны,
Моря планетнаго мчатся буруны,
Твердость Эѳира лучами сверля,—
Марсы, Венеры, Вулканы, Нептуны,
Вотъ! Между ними—Земля!
Гдѣ же всѣ люди? Ихъ нѣтъ. Все пустынно.
Все такъ духовно, согласно, причинно,
Нѣтъ человѣковъ нигдѣ.
Только твоя геніальность сознанья,
Сердца бездоннаго съ сердцемъ сліянье,
Звѣзднаго моря во внѣ изліянье,
Пѣсня звѣзды къ отдаленной звѣздѣ.
Полосы, полосы вѣчнаго Свѣта,
Радостной тайною Небо одѣто,—
Близко такъ стало, что было вдали.
Непостижимо-прекрасное чудо:—
Мчимся туда мы, ниспавши оттуда.
Въ глыбахъ безцвѣтныхъ—восторгъ изумруда,
Майская сказка Земли.

ИЗЪ КНИГИ

„ФЕЙНЫЯ СКАЗКИ“

МОСКВА
1905

ПРОГУЛКА ФЕИ.

Фея въ садъ гулять пошла,
Такъ нарядна и свѣтла
Говоритъ съ цвѣтами,
Ей цвѣты: Будь съ нами.

Фея, будь, какъ мы, цвѣтокъ,
Развернись какъ лепестокъ.
Будь рябинкой дикой,
Или павиликой.

Будь анютинымъ глазкомъ,
Или синимъ василькомъ.
Иль еще, малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетитъ на лепестокъ
Желтокрылый мотылекъ,
Хоботкомъ коснется,
Фея улыбнется.

Прилетитъ къ тебѣ пчела,
Прожужжитъ: не бойся зла,
Я лишь пыль сбираю,
Медъ приготовляю.

Покачнувъ на тынѣ хмѣль,
Прогудитъ мохнатый шмель:—
Ну-ка поцѣлую
Фею молодую.

А когда придетъ закатъ,
Всѣ цвѣты проговорятъ:—
Въ росахъ умываться,
Спать приготовляться.

Фея слушала цвѣты,
Фея нѣжила листы,
Но, сама причуда,
Прочь пошла оттуда.

Или я на мотылька
Промѣняю свѣтлячка?
Не хочу мѣняться—
И давай смѣяться.

Скрылась въ замокъ подъ листкомъ,
Забавлялась съ свѣтлякомъ.
Цвѣтикомъ не стала,
Звонко хохотала.

БЕЗПОРЯДКИ У ФЕИ.

Сегодня майскіе жуки
Не въ мѣру были громки,
И позабыли червяки
Мнѣ освѣтить потемки.

Пошла бранить я свѣтляка,
Чтобъ не давать поблажки.
Споткнулась вдругъ у стебелька
Ромашки или кашки.

И вотъ лежу я и гляжу,
Кто черный тамъ крадется,
Никакъ ума не приложу,
А сердце бьется, бьется.

И молвилъ кто-то грубо такъ:—
„Послушай-ка, глядитка“.
Тутъ лампочку зажегъ свѣтлякъ,
И вижу я—улитка.

Ползетъ, разставила рога,
Вся мокрая такая.
„Ступай“, сказалъ свѣтлякъ, „въ луга“,
Слегка ее толкая.

А я ему: „Вина твоя!
„Гдѣ былъ? Въ гостяхъ у мухи?"
И въ эту ночь заснула я
Совсѣмъ—совсѣмъ не въ духѣ.

ФЕЯ ВЪ ГНѢВѢ.

Фея въ печку поглядѣла,
Пламя искрилось и рдѣло,
Уголечки отъ осины
Были ярки какъ рубины.

И сказала Фея: Если,
Здѣсь, предъ пламенемъ горящимъ,
Я сижу въ узорномъ креслѣ,
И довольна настоящимъ,—

Вѣчно ль буду я довольна,
Или кратокъ будетъ срокъ?
И вскричала тотчасъ: Больно!—
Палъ ей въ ноги уголекъ.

Фея очень разсердилась,
Кресло быстро откатилось,
Отыскавъ въ углу сандала,
Фея ножку врачевала.

И разгнѣвавшись на печку,
Призываетъ фея гнома,
Приказала человѣчку
Дѣлать что ему знакомо.

Тотъ скорѣе сыпать сажи,
Все погасло въ быстрый срокъ,
Такъ темно, что страшно даже,
Былъ наказанъ уголекъ.

ТРИ ПЕСЧИНКИ.

„Что можно сдѣлать изъ трехъ песчинокъ?"
Сказала какъ-то мнѣ Фея водъ.
Я далъ букетикъ ей изъ былинокъ,
И въ трехъ песчинкахъ ей далъ отчетъ.

Одну песчинку я брошу въ Море,
Ей будетъ любо тамъ въ глубинѣ.
Другая будетъ въ твоемъ уборѣ,
А третья будетъ на память мнѣ.

ШЕЛКОВИНКА.

Изъ тонкой шелковинки я ниточку пряду.
По тонкой шелковинкѣ тебя я поведу.
Кусочекъ перламутра—лампадочка моя.
Въ жемчужные покои войдемъ мы, ты и я.

Я тамъ тебѣ открою атласную кровать,
И бабочки намъ будутъ воздушно танцовать.
И тонко такъ, хрустально, подобные ручью,
Намъ часики смѣшные споютъ: „Баю-баю“.

СНѢЖИНКИ.

На дѣтскую руку упали снѣжинки,
На маломъ мизинчикѣ восемь ихъ было число.
Различную форму являли пушинки,
И всѣ такъ мерцали воздушно-свѣтло.
Вотъ крестики встали, вотъ звѣзды мелькнули,
Какъ мягокъ сквозистый ихъ свѣтъ.
Но дѣтскіе пальчики чуть шевельнули,—
И больше ихъ нѣтъ.

ИЗЪ КНИГИ

„ЗЛЫЯ ЧАРЫ“

МОСКВА
1906

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Твой вечеръ настанетъ, и вмѣсто всемірности вольнаго
свѣта,
За Солнцемъ погасшимъ, затеплишь ты въ тѣсномъ покоѣ
свѣчу.
Твой вечеръ настанетъ. Кончается лѣто.
За лѣтомъ? За осенью? Что тамъ? Молчу.
Мы любимъ, хотя намъ и жутко отъ тѣни,
Мы любимъ законченность комнатъ знакомыхъ съ
узоромъ нѣмыхъ половицъ.
Крыльцо на запорѣ. Не хрустнутъ ступени.
Нѣмыя.
Дрожатъ на стѣнѣ, какъ живыя,
Отраженья движеній.
И въ странномъ, въ какомъ-то церковномъ, сближеньи
сочетаются блѣдности лицъ.
Безъ звука веселій,
Глаза утопаютъ въ глазахъ.
Что скрыто въ ихъ безднахъ? Въ нихъ духи сейчасъ
пролетѣли?
Въ нихъ омутъ печали? Въ нихъ сказка свиданія? Страхъ?
Никто не придетъ къ намъ. На версты кругомъ
закружились завѣи-мятели.
Не плачь и не бойся. Въ затѣяхъ-завѣяхъ мы тонемъ,
но свѣтимъ, какъ звѣзды въ ночахъ.

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАСЪ.

Полночный часъ. Вѣдовски-страшный часъ.
День схороненъ. И вновь родится сложность.
Разъять восторгъ и пытку—невозможность.
Изъ вышнихъ безднъ глядитъ бездонность глазъ.

Какъ жутко мнѣ. Вотъ глуше все и тише.
И вѣянье я слышу въ тишинѣ.
Такъ бархатно. Какъ будто льнетъ ко мнѣ
Беззвучное крыло летучей мыши.

ОРГІЯ ЖИЗНИ.

Орелъ точитъ когти. Крадется волкъ прерій.
Сова направляетъ окольный полетъ.
Безжалостны птицы. Безъ жалости звѣри.
Безжалостность--свойство всѣхъ тѣхъ, кто живетъ.

Верховные геніи этого міра,
Зарѣзаннымъ горломъ мы кормимъ свой день.
Намъ трупы животныхъ—услада для пира,
Тутъ нѣжная дѣва—безчувственный пень.

Нерѣдко мы думаемъ, будто растенья
Суть алость улыбки и нѣжный цвѣтокъ.
Нѣтъ, въ мірѣ растеній—борьба, убіенье,
И петли ихъ усиковъ—страшный намекъ.

Ухватятъ, удушатъ, ихъ корни лукавы,
И цвѣтъ орхидеи есть ликъ палача.
Люблю я растенья, но травы—удавы,
И тонкость осоки есть тонкость меча.

ЗМѢИНЫЕ ВАЛЫ.

Окопы древніе, Змѣиные валы,
Извивно-тяжкія мечты подземной мглы,
Кругосозданія изъ марева бѣсовъ,
Какъ перебраться къ вамъ?—Черезъ бездонный ровъ.

Созвѣздья слитныя, вы, гроздья высоты,
Змѣиноликости, и ты, Луна, и ты,
Звѣзда Вечерняя, вѣнецъ свершенныхъ дней,
Гдѣ путь къ вамъ?—Чрезъ эѳиръ, въ которомъ нѣтъ
путей.

О, души женскія, плѣненныя мечтой,
Вы, сочетавшія змѣиность съ красотой,
Вы, вы, желанныя, скажите, какъ къ вамъ путь?
— Черезъ бездонность глазъ. Дрожишь? Оставь. Забудь.

НЕ ЗНАЮ.

Я забылъ, откуда я пришелъ,
И, уйдя, не вспомню жизни здѣшней.
Я не знаю, мой ли произволъ
Создалъ свѣтлый призракъ съ дымомъ золъ,
Осень предрѣшилъ въ улыбкѣ вешней.

Можетъ быть, я самъ свой вѣчный врагъ,
Можетъ быть, подъ внѣшнимъ духъ склоняю.
Больно мнѣ, но это вѣчно такъ,
Я письменъ безвѣстныхъ странный знакъ,
Вписанъ—да, но для чего—не знаю.

ТРИНАДЦАТЬ СЕСТЕРЪ.

Сестры, сестры, Лихорадки,
Поземельный взбитый хоръ!
Мы въ аду играли въ прятки.
Будетъ! Кверху! Безъ оглядки!
Порадѣетъ хоръ сестеръ.

Мы остудимъ, распростудимъ,
Разогрѣемъ, разомнемъ.
Мы проворны, ждать не будемъ.
Сестры! Сестры! Кверху! Къ людямъ!
Вотъ, мы съ ними! Ну, начнемъ.

Цѣпко, крѣпко. Лихорадки,
Снова къ играмъ, снова въ прятки.
Человѣкъ забава намъ.
Сестры! Сестры! По мѣстамъ!
Всѣ тринадцать—съ краснобаемъ.
Гдѣ онъ? Живъ онъ? Начинаемъ.

Ты, Трясея, дай ему
Потрястись, попавъ въ тюрьму.

Ты, Огнея, боль продли,
Прахъ земли огнемъ пали.

Ты, Ледея, такъ въ ознобъ
Загони, чтобъ зналъ онъ гробъ.

Ты, Гнетея, дунь на грудь,
Камнемъ будь, не дай дохнуть.

Ты, Грудея, на груди,
Лишку, вдвое погоди.

Ты, Глухея, плюнь въ него,
Чтобъ не слышалъ ничего.

Ты, Ломея, кости гни,
Чтобы хрустнули они.

Ты, Пухнея, знай свой срокъ,
Чтобъ опухъ онъ, чтобъ отекъ.

Ты, Желтея, въ свой чередъ,
Пусть онъ, пусть онъ расцвѣтетъ.

Ты, Корчея, вслѣдъ иди,
Ручки, ноженьки сведи.

Ты, Глядея, встань какъ бѣсъ,
Чтобы сонъ изъ глазъ исчезъ.

Ты, Сухея, онъ ужь плохъ,
Сдѣлай такъ, чтобъ весь изсохъ.

Ты, Невея, всѣмъ сестра,
Пропляши ему „Пора“.

Въ Человѣкѣ нѣтъ догадки,
Цѣпки, крѣпки Лихорадки.
Всѣхъ Сестеръ тринадцать насъ.
Сестры! Книзу! Конченъ часъ!

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ.

Святой Георгій, убивъ Дракона,
Взглянулъ печально вокругъ себя.
Не могъ онъ слышать глухого стона,
Не могъ быть свѣтлымъ—лишь свѣтъ любя.

Онъ съ легкимъ сердцемъ, во имя Бога,
Копье намѣтилъ и поднялъ щитъ.
Но мыслей встало такъ много, много,
И онъ, сразивши, сраженъ, молчитъ.

И конь святого своимъ копытомъ
Ударилъ гнѣвно о край пути.
Сюда онъ прибылъ путемъ избитымъ.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгій, святой Георгій,
И ты извѣдалъ свой высшій часъ!
Предъ сильнымъ Змѣемъ ты былъ въ восторгѣ,
Предъ мертвымъ Зміемъ ты вдругъ погасъ!

БЛИЗЬ СИНЯГО КАМНЯ.

Близь Синяго камня песокъ золотой,
Песокъ золотой, измельченный Водой.

Вода—голубая, прозрачная днемъ,
И черная, злая во мракѣ ночномъ.

Близь Синяго камня песокъ золотой,
И падаетъ съ Неба звѣзда за звѣздой.

Вода умножаетъ и точитъ песокъ,
А Камень все тотъ же, и путь все далекъ.

Пути всѣ далеки для тѣхъ, кто идетъ,
Пескомъ измельченнымъ, надъ сказкою водъ.

И вѣчно все тотъ же песокъ золотой,
Близь Синяго камня, надъ вѣчной Водой.

ЗОРЯ-ЗОРЯНИЦА.

ЗАГОВОРЪ.

Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Красная Дѣвица, полуночница.
Красныя губы,
Бѣлые зубы,
Свѣтлыя кудри, свѣтлоочница.
Всѣ ли вы, Зори,
Въ красномъ уборѣ,
Съ кровавыми лентами, рдяными?
Вѣчно ли крови
Встари и внови,
Розами быть надъ туманами?
Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Будь ты моею защитою,
Отъ вражіей силы,
Довременной могилы,
И отъ жизни, тоскою повитою.
По какому наитью,
Руดожелтою нитью,
Ты, иглой золотою, проворною

Вышиваешь со славой,
Пеленою кровавой
Свой узоръ надъ трясиною черною?
Чудо-Дѣвица,
Зоря Зоряница,
Зоря Зоряница прекрасная!
Хочется ласки,
Мягкости въ краски,
Будетъ ужь, искрилась красная.
Нить, оборвись,
Кровь, запекись,
Будетъ намъ, ужь будетъ этой алости.
Или ты, Зоря,
Каждый день горя,
Такъ и не узнаешь нѣжной жалости?

ДРАКОНИТЪ.

Темный камень драконитъ
Ужь не такъ хорошъ на видъ.
Изумрудъ его нѣжнѣй,
Въ брилліантѣ свѣтъ сильнѣй.
И нѣжнѣй его опалъ,
И рубинъ предъ нимъ такъ алъ.
И однако драконитъ
Тѣмъ хорошъ, что вѣрно мститъ.
Чтобъ достать его, дождись,
Какъ ущербный Мѣсяцъ внизъ,
Надъ пещерой колдовской,
Желтой выгнется дугой.
Тамъ Драконъ въ пещерѣ спитъ,
Въ мозгѣ звѣря драконитъ.
Гибокъ Змѣй, но мозгъ его
Неуклоннѣе всего.
Мозгъ Дракона весь въ узлахъ,
Желтый въ нихъ и бѣлый страхъ.
Красный камень и металлъ
Въ нихъ не разъ захохоталъ.
Темный въ этомъ мозгѣ сонъ,
Черной цѣпью скованъ онъ.

Желтый Мѣсяцъ внизъ глядитъ.
Вотъ онъ, камень драконитъ.
Тише, тише, подходи,
Въ снѣ дракона не щади.
Замеръ въ грезѣ онъ своей,
Мѣтко цѣлься, прямо бей.
Поразивъ его межь глазъ,
Мозгъ исторгни, и сейчасъ
Предъ тобою заблеститъ
Страшный камень драконитъ.
Съ этимъ камнемъ—на врага.
Рѣки бросятъ берега,
И хоть будь твой врагъ великъ,
Онъ въ водѣ потонетъ въ мигъ.
Этотъ камень-амулетъ
Много дастъ тебѣ побѣдъ.
Вѣщій камень драконитъ,
Зеленѣя, мѣтко мститъ.
Этимъ камнемъ подъ Луной
Поиграй во мглѣ ночной,
Дальній врагъ твой ощутитъ,
Мститъ ли камень драконитъ.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОЗЪ.

Красной калиной покой свой убравъ,
Принеся въ него много лѣсныхъ стрѣловидныхъ, какъ
будто отточенныхъ, травъ,
Я смотрю, хорошо ль убрана моя хата,
И горитъ ли въ ней се́ребро, ярко ли злато.
Все какъ и нужно кругомъ.
Мысли такія же въ сердцѣ, сверкаютъ, цвѣтятся огнемъ,
Сердце колдуетъ —
Что это? Что это тамъ за окномъ?
Дрогнула молнія въ небѣ! Темнѣетъ оно. Негодуетъ.
Или довольно, что въ этомъ вотъ сердцѣ пожаръ?
Вѣтеръ прерывисто дуетъ.
Громъ.
Гулко гремитъ за ударомъ ударъ.
Длится размахъ грозового раската.
Свѣтится золотомъ малая хата.
И, опоясанъ огнемъ,
Въ брызгахъ, въ изломахъ червленаго злата,
Въ рокотахъ струнъ,
Сѣя алмазы продольнымъ дождемъ,
Въ радостяхъ бури, въ восторгѣ возврата,
Мчится—Перунъ.

ИЗЪ КНИГИ

„ЖАРЪ-ПТИЦА“

МОСКВА
1907

ЗАГОВОРЪ НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРОВУ.

Я по острову хожу,
Черезъ всѣ лѣса гляжу,
По прогалинамъ и мракамъ,
По оврагамъ, буеракамъ,
Дубъ, береза, липа, ель,
Ива, жимолость, и хмѣль,
И калина, и рябина,
И дрожащая осина.
Я по всѣмъ гляжу вѣтвямъ,
По листамъ, и по цвѣтамъ,
Я зову мою дуброву,—
Быть бы живу мнѣ, здорову:—
Подступясь къ ней, звѣрь и гадъ,
Чтобъ сейчасъ же шли назадъ,
Чтобъ не шли къ намъ люди злые,
Вѣдьмы, вихри, водяные,
Чтобъ въ дубровѣ, подъ листвой,
Самъ себѣ я былъ большой,
Чтобы листья мнѣ въ шуршаньи,
Были въ тихомъ послушаньи,
Чтобы легкій вѣтеръ къ намъ
Шелъ, танцуя, по верхамъ.

ЗАГОВОРЪ НА ТРИДЦАТЬ ТРИ ТОСКИ.

Тамъ на морѣ Океанѣ,
Тамъ на островѣ Буянѣ,
Свѣтитъ Камень Алатырь,
А кругомъ и даль и ширь.
На огнѣ тамъ есть доска,
На доскѣ лежитъ тоска,
Не одна тоска, смотри,
Не одна, а тридцать три.
И мечутся тоски,
Кидаются тоски,
И бросаются тоски,
Вдоль дороги, вдоль рѣки.
Черезъ всѣ пути-дороги,
Черезъ горы крутороги,
Перепутьемъ и путемъ,
Мчатся ночью, мчатся днемъ.
Дѣва смотритъ вдоль рѣки,
Вы мечитесь къ ней, тоски,
Къ дѣвѣ киньтесь вы, тоски,
Опрокиньтесь вы, тоски.
Киньтесь въ очи, бросьтесь въ ликъ,
Чтобы міръ въ глазахъ поникъ,

И въ сахарныя уста,
Чтобъ страдала красота.
Чтобы молодецъ былъ ей
Свѣта бѣлаго милѣй,
Чтобы солнце ослѣпилъ
Чтобы мѣсяцемъ ей былъ.
Такъ, не помня ничего,
Чтобъ плясала для него,
Чтобы тридцать три тоски
Были въ пляскѣ позвонки,
Чтобъ кидалася она,
И металася она,
И бросалася она,
И покорна, и нѣжна.

ЖЕРНОВА.

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Литовская пѣсня.

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Вы, мысли, разрѣшайтесь
Въ пѣвучія слова.
Въ душѣ есть тоже зерна,
И долго и упорно
Таятся зерна тѣ
Въ душевной темнотѣ.

Но мракъ души не вѣченъ,
Восходятъ зеленя.
О, милый, ты отмѣченъ
Тамъ въ сердцѣ у меня.
Вотъ стебли зеленѣютъ,
Желтѣютъ и полнѣютъ,
Густѣетъ ихъ толпа,
И мирно ждетъ серпа.

Красиво жнется нива,
Красивъ склоненный жнецъ,

О, все въ тебѣ красиво,
И мой ты наконецъ.
Лежатъ снопы рядами,
Блестятъ они предъ нами,
Наполнены воза,
Любуются глаза.

Вы, зерна, возвращайтесь,
Ужь мельница жива.
Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Безъ друга, молодая,
На мельницѣ была я,
Вдвоемъ зерно дроблю,
Люблю тебя, люблю.

ТРАВА-КОСТЕРЪ.

Есть трава—ростетъ
    Возлѣ тихихъ рѣкъ.
И не каждый годъ
Та трава цвѣтетъ,
А когда придетъ
    Человѣкъ.

Ростъ ея—стрѣла,
    И красивъ узоръ.
Та трава была
Много разъ свѣтла,
Снова расцвѣла,
    Какъ костеръ.

И горитъ огонь
    Возлѣ тихихъ рѣкъ.
Мчится красный конь,
Ржетъ, поетъ: не тронь,
Не хватай огонь,
    Человѣкъ.

Съ ржаньемъ конь скакалъ,
    Убѣжалъ въ просторъ.

Ярко промелькалъ.
Былъ расцвѣтно-алъ,
Возлѣ рѣкъ сверкалъ
    Цвѣтъ-костеръ.

И свѣтла была
    Влага тихихъ рѣкъ.
Въ мірѣ вѣсть прошла,
Что трава цвѣла:—
Былъ здѣсь, въ мірѣ зла,
    Человѣкъ.

ГЛУБИННАЯ КНИГА.

Восходила отъ Востока туча сильная, гремучая,
Туча грозная, великая, какъ жизнь людская—длинная,
Выпадала вмѣстѣ съ громомъ Книга Праотцевъ могучая,
Книга-Исповѣдь Глубинная,
Тучей брошенная намъ,
Растянулась, распростерлась по равнинамъ, по горамъ.
Долины та Книга будетъ—описать ее нельзя,
Поперечина—помѣряй, истомитъ тебя стезя,
Буквы, строки—чащи лѣса, расцвѣченные кусты,
Эта Книга—изъ глубинной, безпричинной высоты.
Къ этой Книгѣ, ко божественной,
Въ день великій, въ часъ торжественный,
Сходились сорокъ мудрыхъ и царей,
Сорокъ мудрыхъ и несчетность разномыслящихъ людей.
Царь Всеславъ до этой Книги доступается,
Съ нимъ вѣдунъ-пѣвецъ подходитъ Свѣтловзоръ,
Передъ ними эта Книга разгибается,
И глубинное писанье расцвѣчается,
Но не полно означается узоръ.
Велика та Книга—взять такъ не поднять ее,
А хотя бы и поднять,—такъ не сдержать ее,
А ходить по ней—не выходить картинную,
А читать ее—прочесть ли тьму глубинную.

Но вѣдунъ подходитъ къ Книгѣ, Свѣтловзоръ,
И подходитъ царь Всеславъ, всепобѣдительный,
Духъ у нихъ, какъ и у всѣхъ, въ тѣлесный скрытъ
цвѣтной уборъ,
Но другимъ всѣмъ не въ примѣръ, горитъ въ нихъ свѣтъ
нездѣшній, длительный.
Царь Славянскій вопрошаетъ, отвѣчаетъ Свѣтловзоръ:—
„Отчего у насъ зачался бѣлый вольный свѣтъ,
Но доселѣ, въ долги годы, въ людяхъ свѣта нѣтъ?
Отчего у насъ горитъ Солнце красное?
Мѣсяцъ свѣтелъ серебритъ Небо ясное?
Отчего сіяютъ ночью звѣзды дружныя,
А при звѣздахъ все глубоки ночи темныя?
Зори утренни, вечернія—жемчужныя?
Дробенъ дождикъ, вѣтры буйные—бездомные?
Отчего у насъ умъ—разумъ, помышленія?
Міръ—народъ, какъ Море, сумрачный всегда?
Отчего всей нашей жизни есть круженіе?
Наши кости, наше тѣло, кровь-руда?“

И вѣдунъ со взоромъ свѣтлымъ тяжело дышалъ,
Передъ Книгою Глубинной онъ отвѣтъ царю держалъ.

„Бѣлый свѣтъ у насъ зачался отъ хотѣнья Божества,
Отъ великаго, всемірнаго Воленія.
Люди жь темны оттого, что воля свѣта въ нихъ мертва,
Не хотятъ въ душѣ разслышать вѣчность пѣнія.
Солнце красное—отъ Божьяго пресвѣтлаго лица,
Мѣсяцъ свѣтелъ—отъ играющей Божественной мечты,
Звѣзды частыя—отъ ризъ его, что блещутъ безъ конца,
Ночи темныя,—отъ Божьихъ думъ, отъ Божьей темноты.
Зори утренни, вечернія—отъ Божьихъ жгучихъ глазъ,
Дробенъ дождикъ—отъ великихъ, отъ повторныхъ слезъ
Его,

Буйны вѣтры оттого, что есть у Бога вѣщій часъ,
Неизбѣжный часъ великаго скитанья для Него.
Разумъ нашъ и помышленья—отъ высокихъ облаковъ,
Міръ-народъ—отъ тѣни Бога, свѣтъ и тѣнь живутъ всегда,
Нѣтъ конца и нѣтъ начала—оттого нашъ кругъ вѣковъ,
Камень, Море—наши кости, наше тѣло, кровь-руда".

И Всеславъ желаньемъ властвовать и знать всегда томимъ,
Свѣтловзора вопрошалъ еще, была бесѣда длинная.
Книгу Бездны, въ чьи листы мы каждый день и часъ глядимъ,
Онъ сполна хотѣлъ прочесть, забылъ что Бездна внѣпричинная,
И на вѣчность, на одну изъ многихъ вѣчностей, предъ нимъ
Заперлась, хотя и свѣтитъ, Книга-Исповѣдь Глубинная.

ПЕРУНЪ.

У Перуна ростъ могучій,
Ликъ пріятный, усъ златой,
Онъ владѣетъ влажной тучей,
Словно дѣвой молодой.

У Перуна мысли быстры,
Что захочетъ—такъ сейчасъ,
Сыплетъ искры, мечетъ искры
Изъ зрачковъ сверкнувшихъ глазъ.

У Перуна знойны страсти,
Но, достигнувъ своего,
Что любилъ онъ—рветъ на части,
Тучу сжегъ—и нѣтъ его.

ЯРИЛО.

Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ,
Цвѣтовъ полевыхъ,
Свѣянъ вѣщаньями прошлыхъ вѣковъ,
Въ одеждахъ волнистыхъ, красиво-живыхъ,
На бѣломъ конѣ,
Тропою своей,
Я ѣду, Ярило, среди Бѣлорусскихъ полей,
И звѣздныя росы сіяютъ на мнѣ,
Погаснутъ, и снова зажгутся свѣтлѣй,
Подъ рокотъ громовъ,
Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ,
Цвѣтовъ полевыхъ.

По селамъ, за мной, хороводами, дѣвы,
„Ярило", поютъ, „озари намъ напѣвы",
Ярилѣ слагаютъ свой стихъ,
Играютъ мнѣ пѣсни, на игрищахъ пляшутъ,
Сердца расцвѣтаютъ въ мигъ пляски мірской,
Тамъ гдѣ-то работаютъ, гдѣ-то тамъ пашутъ,
А игрища—въ уровень съ бѣлой сохой.
Горсть желтыхъ колосьевъ, колосья ржаные,
Я лѣвой рукою держу,
И маки горятъ, васильки голубые
Роняю я въ рожь, расцвѣчаю межу.

По селамъ, въ ихъ избахъ, и тѣсныхъ и узкихъ,
Въ поляхъ безпредѣльныхъ, по имени—Русскихъ,
Являюсь я взору, и грезѣ во снѣ,
Я между живыхъ—какъ дающій забвенье,
Для нихъ—я видѣнье
На бѣломъ конѣ,
Мигъ страсти, богъ счастья, богъ отдыховъ плѣнныхъ,
И вновь пробужденій и игрищъ живыхъ,
Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ, не надменныхъ,
Но вѣчно-желанныхъ цвѣтовъ полевыхъ.

БОГИНЯ-ГРОМОВНИЦА.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
Моя полюбовница
Лежала въ гробу.
И вѣтры весенніе плакали жалостно,
И съ воплями, яростно,
Играли на флейтахъ, и дули въ трубу.

Покойница юная—о, съ косами русыми,
И съ рдяными бусами
На шеѣ своей—
Бѣлѣла застылая, словно дремотная
Купава болотная,
Что еле раскрылась среди камышей.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
Душа-полюбовница,
Ты крѣпко ли спишь?
Ужели ты вновь не исполнишься силою
Предъ богомъ Ярилою,
Не вспрянешь со смѣхомъ, разрушивши тишь?

Проснулась, проснулась ты! Я молньями рдяными
Взмахнулъ надъ туманами,
О, славо мечу!
Какая ты свѣтлая съ этими маками,
Ты мчишься надъ мраками,
Ворчатъ твои громы, рычатъ они. Чу!

РУЕВИТЪ.

У Руевита семь мечей
Виситъ, въ запасъ, въ ножнахъ.
У Руевита семь мечей,
Восьмой въ его рукахъ.

У Руевита семь есть лицъ,
Что зримы надъ землей.
А для боговъ, пѣвцовъ, и птицъ
Еще есть ликъ восьмой.

У Руевита семь есть дней,
Чтобъ праздновать расцвѣтъ.
А день восьмой есть день огней,—
Есть день рѣзни и бѣдъ.

У Руевита семь ночей
Для игрищъ и любви.
У Руевига семь мечей,
Чтобъ ихъ омыть въ крови.

ЦАРЬ ОГНЕННЫЙ ЩИТЪ.

Царь Огненный Щитъ, на конѣ восьминогомъ,
Надъ міромъ поставленный богомъ Бѣлбогомъ,
Съ Востока на Западъ проходитъ свой путь.
И конь его—бѣлый, и конь его—смѣлый,
Едва только, въ знойностяхъ, міръ онѣмѣлый
Коня запримѣтитъ—и можетъ вздохнуть.

Царь Огненный Щитъ выпиваетъ всѣ росы,
И сушитъ дороги, и жжетъ онъ откосы,
И влага восходитъ къ нему изъ морей.
Но конь его съ каждою каплею влаги
Все больше въ себѣ ощущаетъ отваги,
Ростетъ восьминогой громадой своей.

Ростетъ, подвигаясь по небу съ Востока,
Мгновеньями вспыхнетъ огромное око,
И огненный броситъ надъ міромъ изломъ.
Ростетъ, надвигаясь, и странно темнѣетъ,
Мѣняется въ цвѣтѣ, густѣетъ, чернѣетъ,
И чу, подъ копытами рушился громъ.

Царь Огненный Щитъ, вознесясь до зенита,
Замедлилъ, подумалъ, и глянулъ сердито,
Онъ поднялъ коня на дыбы, и глядитъ.
Вотъ дернулъ за поводъ, и грянули громы.
Для жаждущихъ—внизъ сорвались водоемы,
И вдвое свѣтлѣе Царь Огненный Щитъ.

ВЕЛЕСЪ.

Волосъ, Велесъ, богъ пышныхъ стадъ,
Богъ изумрудностей въ Апрѣлѣ,
Прими—не грозовой раскатъ,
Текучесть льющихся руладъ
Моей пастушеской свирѣли.

Богъ мирныхъ дней,—Велесъ, Волосъ,
Ужь въ нашихъ долахъ отшумѣли
Игранья первыхъ громкихъ грозъ,
И стебли свѣтлые овесъ
Поитъ росой подъ звукъ свирѣли.

Богъ нѣжныхъ травъ, Волосъ, Велесъ,
Ты кроткій другъ забавъ при дѣлѣ,
Ты пращуръ мой, ты духъ чудесъ,
Ты дѣдъ Баяна. Чу, какъ лѣсъ
Поетъ подъ звукъ моей свирѣли.

Богъ сочныхъ травъ, Велесъ, Волосъ,
Твои луга не оскудѣли,
Звенитъ и свѣтитъ сѣнокосъ,
Чу, сколько пѣсенъ понеслось
Въ отвѣтъ на зовъ моей свирѣли.

Богъ тучныхъ нивъ, Волосъ, Велесъ,
Въ честь бога—жатвы подоспѣли,
И межь цвѣтами, въ честь Небесъ,
Кустъ ржи завитый не исчезъ,
Закрутъ воскресъ, подъ звукъ свирѣли.

Чу, колокольчики звенятъ
Нѣжнѣй, чѣмъ гомонъ птицъ въ Апрѣлѣ,
Стада идутъ съ возами въ рядъ,
Волосъ, Велесъ, богъ пышныхъ стадъ,
Годъ спѣтъ. Домой, подъ зовъ свирѣли.

ЛѢСЪ.

1.

Пробуждается съ весною,
Переливною волною
Зеленѣетъ на вѣтвяхъ.
Отзовется гулкимъ эхомъ
Крикомъ, гиканьемъ, и смѣхомъ,
Для потѣхи будитъ страхъ.

Кружитъ, манитъ, и заводитъ,
Въ разныхъ обликахъ проходитъ,
Съ каждымъ разное всегда.
Малой травкой—на опушкѣ,
Въ старомъ борѣ—до верхушки,
Вона, вонъ гдѣ борода.

Лапти вывернулъ, и правый
Вмѣсто лѣвого, лукавый,
Усмѣхаясь, натянулъ.
То же сдѣлалъ и съ другою,
Въ лапоть скрытою, ногою,
И пошелъ по лѣсу гулъ.

То же сдѣлалъ и съ кафтаномъ,
И со смѣхомъ, словно пьянымъ,
Застегнулъ наоборотъ.
Въ разнополость нарядился,
Въ человѣчій ликъ вмѣстился,
Какъ мужикъ идетъ, поетъ.

Лишь спроси его дорогу,
Ужь помолишься ты Богу,
Ужь походишь по лѣсамъ.
Тотъ же путь сто разъ измѣришь,
Твердо въ Лѣшаго повѣришь,
Будешь вѣрить старикамъ.

2.

Гулко въ зеленомъ лѣсу откликается,
Въ чащахъ темнѣетъ, покуда смеркается,
Смотритъ въ сплетенныхъ кустахъ.
Прячется, кажется, смутнымъ видѣніемъ,
Гдѣ-то тамъ, съ шопотомъ, съ хохотомъ, съ пѣніемъ,
Съ шорохомъ быстрымъ возникнетъ въ листахъ.
Лапчатой елью отъ взора укроется,
Встанетъ, и въ ростѣ внезапно удвоится,
Вспрыгнетъ, и съ трескомъ обломится сукъ.
Выросъ, съ вершиной шурша обнимается,
Сразу на многихъ деревьяхъ качается,
Тянется тысячью рукъ.
Вотъ отовсюду качанья и ропоты,
Тѣни, миганія, шорохи, шопоты,

Кто-то, кто долго былъ мертвымъ, воскресъ.
Что-то, что было въ беззвучномъ, въ неясности,
Стало грозящимъ въ своей многогласности,—
Лѣсъ!

3.

Смотритъ изъ тихихъ озеръ,
Манитъ въ безгласную глубь,
Вѣтви сплетаетъ въ узоръ.
— Лѣсъ, приголубь!

Тянетъ войти въ изумрудъ,
Съ пыльнаго манитъ пути,
Въ глушь, гдѣ деревья цвѣтутъ.
— Лѣсъ, защити!

Шепчетъ несчетной листвой,
Моремъ зеленыхъ пустынь.
Лѣсъ, я такой же лѣсной,
— Лѣсъ, не покинь!

СОВА.

Сова, кто смотрѣлъ въ твое круглое желтое око,
Тотъ знаетъ великую тайну чудесъ.
Не царила ли ты въ Небесахъ? Въ ихъ провалахъ нѣмыхъ,
тамъ высоко,
Въ бездонностяхъ синихъ донынѣ твой знакъ не исчезъ.
Кто въ полночь читалъ подъ ущербной Луною
Пожелтѣвшую лѣтопись дней,
Тотъ меня понимаетъ безъ словъ, и сейчасъ онъ со мною,
Надъ одной мы строкою,
Въ пѣснѣ моей
Въ струнѣ мы одной, что во славу Вселенной бряцаетъ.

О, мудрая птица, чей взоръ темноту проницаетъ,
Въ ночи, гдѣ дневные не видятъ ни зги,
Ты сидѣла на страшной избушкѣ Яги,
Ты глядѣла въ глаза благородной Аѳины,
Ты была за плечами у всѣхъ колдуновъ,
Ты крыломъ прорѣзаешь ночныя долины,
Навѣвая видѣнья вѣщательныхъ сновъ
На вѣдовскіе стебли полночныхъ цвѣтовъ,
Отъ которыхъ принявъ дуновеніе, мракъ
Нашимъ снамъ сообщаетъ твой знакъ,—

Я знаю, когда-нибудь въ безднахъ, далеко,
Погаснетъ Свѣтило кружащихся дней,
Но въ новыхъ ночахъ первозданныхъ, въ смѣшенiи тьмы
и огней,
Предъ творчествомъ новымъ зажжется, сквозь Хаосъ,
безмѣрное желтое око.

ИЗЪ КНИГИ

„ПТИЦЫ ВЪ ВОЗДУХѢ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

СТИХЪ ВѢНЧАЛЬНЫЙ.

Я съ Мечтою обручился и вѣнчальный стихъ пою,
Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную мою.

Сладко грезѣ свѣтлой спится далеко отъ тьмы земной,
Тамъ, гдѣ звѣздный кустъ огнится многоцвѣтной пеленой.

Кустъ восходитъ, возростаетъ, обнимаетъ всѣ міры,
Драгоцѣнности рождаетъ нескончаемой игры.

Жаръ-цвѣты и цвѣтъ-узоры смотрятъ внизъ съ вѣтвей куста,
Свѣтомъ помыслы одѣты, въ звѣздныхъ ризахъ Красота.

Брилліантовою пылью осыпается жаръ-цвѣтъ,
Манитъ душу къ изобилью сказка огненныхъ примѣтъ.

Искры, жгите, вейтесь, нити, плющъ, змѣись по Бытію,
Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную мою.

ХВАЛИТЕ.

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
Безумно любите, хвалите Любовь,
Ты, сердце, сплети всепротяжныя нити,
Крути златоцвѣтность—и вновь,
Отъ сердца до сердца, до Моря, до Солнца, отъ Солнца
до мглы отдаленнѣйшихъ звѣздъ,
Сплетенья вліяній, воздушныя струны, протяжность
хораловъ, ритмическій мостъ.
Изъ точки—планеты, изъ искры—пожары.
Цвѣты и расцвѣты, отвѣтныя чары,
Круги за кругами, и снова, и вновь,
То выше, то ниже, качаясь, встрѣчаясь,
И то расходясь, то опять возвращаясь,
Свѣчась, расцвѣчаясь, поющая кровь,
Всемірно проводитъ путистыя нити,
Хвалите же Вѣчность, любите, хвалите,
Хвалите, хвалите, хвалите Любовь.

ХМѢЛЬНОЕ СОЛНЦЕ.

Лѣтомъ, въ мѣсяцѣ Іюлѣ,
Въ дни, когда пьянѣетъ Солнце,
Много странныхъ есть вещей
Въ хмѣлѣ солнечныхъ лучей.
Стонетъ лѣсъ въ громовомъ гулѣ,
Молній блескъ—огонь червонца.
Все кругомъ мѣняетъ видъ,
Самый воздухъ умъ пьянитъ.

Воздухъ видно. Дымка. Паритъ.
Воздухъ словно весь расплавленъ.
Въ чащу лѣса поскорѣй,
Вглубь съ желанною твоей.
Въ мозгѣ нѣжный звонъ ударитъ,
Сердце тутъ, а умъ оставленъ.
Тѣло къ тѣлу тѣсно льнетъ.
Праздникъ тѣла. Счастье. Вотъ.

Ночь приходитъ. Всѣмъ извѣстно,
Ночь Иванова колдуетъ.
Звѣздный папоротникъ рви.
Мигъ поетъ въ твоей крови.
Пляшетъ пламя повсемѣстно.
Мглу огонь свѣтло цѣлуетъ.
Гдѣ костры сильнѣй горятъ,
Ройся глубже, вспыхнетъ кладъ.

ДОЛИНЫ СНА.

Пойду въ долины сна,
Тамъ вкось ростутъ цвѣты.
Тамъ падаетъ Луна
Съ бездонной высоты.

Вкось падаетъ она,
И все не упадетъ.
Въ глухихъ долинахъ сна
Густой дурманъ цвѣтетъ.

И странная струна
Играетъ безъ смычковъ.
Мой умъ въ долинахъ сна,
Средь волнъ безъ береговъ.

СЪ ВЫСОКОЙ БАШНИ.

Съ высокой башни
На міръ гляжу я.
Съ желѣзной башни
За нимъ слѣжу я.
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Кругомъ бушуя.

Чтò мигъ текущій,
Чтò день вчерашній,
Чтò вихрь бѣгущій,
Какъ звѣрь надъ пашней,
Бѣгущій мимо,
Неуловимо,
Какъ гроздья дыма,
Вкругъ стройной башни.

На міръ всегдашній
Свѣтло гляжу я.
Съ высокой башни
За нимъ слѣжу я.
И злится Вѣтеръ,
Кружится Вѣтеръ,
И мчится Вѣтеръ,
Кругомъ бушуя.

ЗВУКЪ ИЗЪ ТАИНСТВЪ.

Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ—говорящій
огонь,
Движеніе мысли есть радость всемірныхъ и вѣчныхъ
погонь.
И взглянемъ ли мы на созвѣздья, разслышимъ ли
говоры струй,
Мы знаемъ, не знать мы не можемъ, что это одинъ
поцѣлуй.
И струнъ ли рукой мы коснемся, чтобъ сдѣлать
пѣвучимъ нашъ пиръ,
Мы пѣсней своей отзовемся на пѣсню, чье имя есть
Міръ.
И кто бы ты ни былъ, напрасно—цвѣтка-ль,
человѣка-ль—не тронь:—
Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ—говорящій
огонь.

ОБЛАЧНАЯ ЛѢСТНИЦА.

Если хочешь въ край войти вѣчно-золотой,
Облачную лѣстницу нужно сплесть мечтой,
Облачныя лѣстницы насъ ведутъ туда,
Гдѣ во снѣ бываемъ мы только иногда.

А и спать не нужно намъ, лишь возьми росу,
Окропи вечернюю свѣта полосу,
И, скрѣпивши облачко мѣсячнымъ лучомъ,
Въ путь иди, не думая больше ни о чемъ.

ЗАКЛИНАНЬЕ ВОДЫ И ОГНЯ.

Я свѣтъ зажгу, я свѣтъ зажгу,
На этомъ берегу.
Иди тихонько.
Слѣди, на камнѣ есть вода,
Иди со мной, съ огнемъ, туда,
На бѣломъ камнѣ есть вода.
Иди тихонько.

Рука съ рукой, рука съ рукой,
Здѣсь кто-то есть другой.
Иди тихонько.
Тотъ кто-то, можетъ, слышитъ насъ.
Слѣди, чтобъ свѣтъ нашъ не погасъ,
Чтобы вода не пролилась.
Иди тихонько.

Мы свѣтъ несемъ, мы свѣтъ несемъ,
Рабы намъ Ночь со Днемъ.
Иди тихонько.
Слѣди, рука съ рукой тверда,
На бѣломъ камнѣ есть вода,
Свѣти, идемъ съ огнемъ туда.
Иди тихонько.

ТРИ КОНЯ.

На трехъ коняхъ Властитель Солнца
Свершаетъ выѣздъ въ Ивановъ день.
И конь одинъ краснѣй червонца,
И конь другой есть конь-игрень.

И третій конь весь бѣлый, бѣлый,
Какъ будто вылитъ изъ серебра.
Властитель Солнца, свѣтлый, смѣлый,
Свершаетъ выѣздъ.—„Въ путь. Пора.“

Но чуть доѣдетъ до зенита,
Конь златокрасный горитъ—и палъ.
Властитель дня хлеснетъ сердито
Тѣхъ двухъ—и дальше поскакалъ.

И конь-игрень онъ тоже красный,
Но съ бѣлой гривой, о, съ бѣлой онъ.
Онъ мчитъ, бѣжитъ, играетъ, страстный,
И палъ, и палъ на небосклонъ.

У Бога Солнца сердце сжато,
Ему лишь бѣлый остался конь.
На склонахъ яркаго заката
Горитъ пурпуровый огонь.

И видѣнъ въ тучахъ бѣлоснѣжныхъ
Конь смертно-блѣдный изъ серебра.
Властитель Солнца, въ снахъ безбрежныхъ,
Свершаетъ путь.—„Домой. Пора“.

УСНИ.

Дымящихся свѣтильниковъ предсмертные огни,
Дрожащіе, скользящіе, послѣдніе. Усни.

Мерцающія лиліи, пришедшій къ цѣли путь,
Пройденности, бездонности грозившія. Забудь.

Развязана запутанность, оконченъ счетъ съ людьми,
Предсказанность безмолвія идетъ къ тебѣ. Прими.

Возьми рукой притихшею воздушный жезлъ свѣчи,
Въ безгласности горѣнія сожги слова. Молчи.

Возвышенныя лиліи расцвѣтомъ смотрятъ внизъ,
И ждутъ въ благоговѣйности послѣдняго. Молись.

Ни шопота, ни ропота, въ зеркальномъ прошломъ дни,
Подходитъ ночь безслезная, вся звѣздная. Взгляни.

ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА.

Кто мы? А! Зарю спроси, спроси лѣсъ...
Майскія Письмена.

Въ Паленке, межь руинъ, гдѣ Майская царица
Велѣла изваять безсмертныя слова,
Я грезилъ въ яркій зной, и мнѣ приснилась птица
Тѣхъ дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, съ хвостомъ нарядно-длиннымъ,
Какъ грезы—крылышки, ее зовутъ Кветцаль.
Она живетъ какъ сонъ, въ горахъ, въ лѣсу пустынномъ,
Чуть взглянешь на нее—въ душѣ поетъ печаль.

Красива птица та, въ ней вешній цвѣтъ наряда,
Въ ней тонко-нѣжно все, въ ней сказоченъ весь видъ.
Но какъ колодецъ—грусть ея нѣмого взгляда,
И чуть ей скажешь что—сейчасъ же улетитъ.

Я грезилъ. Сколько лѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій,
Сказать бы я не могъ—и для чего считать?
Мнѣ мнилось, межь могилъ, рѣзвясь, играютъ дѣти,
И изумрудъ Кветцаль не устаетъ блистать.

Гигантской пеленой переходило Море
Изъ края въ край Земли, волной росла трава.
Вдругъ дрогнулъ изумрудъ, и на стѣнномъ узорѣ
Прочелъ я скрытыя въ ваяніи слова:—

„О, ты грядущихъ дней! Коль умъ твой разумѣетъ,
„Ты спросишь: Кто мы?—Кто? Спроси зарю, поля,
„Волну, раскаты бурь, и шумъ вѣтровъ, что вѣетъ,
„Лѣса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы—Земля!“.

ЗОЛОТО-МОРЕ.

Есть Золото-Море.
На Золотѣ-Морѣ,
Которое молча горитъ,
Есть Золото-Древо,
Оно одиноко
Въ безбрежномъ горѣньи стоитъ.

На Золотѣ-Древѣ
Есть Золото-Птица,
Но когти желѣзны у ней.
И рветъ она въ клочья
Того, кто ей нелюбъ,
Межь красныхъ и желтыхъ огней.

Есть Золото-Море.
На Золотѣ-Морѣ,
Бѣлъ-Камень, бѣлѣя, стоитъ,
На Камнѣ на бѣломъ,
Сидитъ Красна Дѣва,
А Море безбрежно горитъ.

На Золотѣ-Морѣ,
Подъ Камнемъ, подъ бѣлымъ,
Подъяты желѣзны врата.
Сидитъ Красна Дѣва,
Подъ нею—глубины,
Подъ камнемъ ея—темнота.

И Золото-Море
Сверкаетъ безбрежно,
Но въ глубь опускается трупъ.
То Красная Дѣва
Въ бездонности топитъ
Того, кто ей вправду былъ любъ.

ПЕРЕБРОШЕННЫЯ ЗВЕНЬЯ.

Что держитъ Землю? Что?—Вода.
—Что держитъ Воду?—Камень грозный.
—Что держитъ Камень, дни, года,
Что держитъ Міръ окружно-звѣздный?
—Четыре мощные Кита.
—На чемъ они, Киты златые?
—Ихъ вѣчно держитъ Красота,
Огня теченья молодые.
—А что же держитъ тотъ Огонь?
—Другой Огонь, его двѣ части.
—А дальше?—Болѣе не тронь.
Не тронь. Сгоришь!

ГРЕБЕЦЪ.

На главѣ его смарагдовый вѣнецъ.
Пѣснь потаенная.

Мнѣ привидѣлся корабль, на кораблѣ сидѣлъ гребецъ,
На главѣ его златистой былъ смарагдовый вѣнецъ.
И въ рукахъ своихъ онъ бѣлыхъ не держалъ совсѣмъ весла,
Но волна въ волну втекала, и волна его несла.
А въ рукахъ гребца, такъ видѣлъ я, лазоревый былъ цвѣтъ,
Этотъ цвѣтъ произрастеньемъ былъ не нашихъ зимъ и лѣтъ.
Онъ съ руки своей на руку перекидывалъ его,
Переманивалъ онъ души въ кругъ вліянья своего.
Въ кругъ сіянія смарагда и лазоревыхъ цвѣтовъ,
Измѣнявшихъ нѣжной чарой синеву безъ береговъ.
Съ снѣговыми парусами тотъ корабль по Морю плылъ,
И какъ будто съ каждымъ мигомъ въ Солнцѣ больше было силъ.
Будто Солнцу было любо разгораться безъ конца,
Было любо синю Морю уносить въ просторъ гребца.

ИЗЪ КНИГИ

„ЗЕЛЕНЫЙ ВЕРТОГРАДЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

КОРМЩИКЪ.

— Кто ты?—Кормщикъ корабля.
— Гдѣ корабль твой?—Вся Земля.
— Вѣрный руль твой? Въ сердцѣ, здѣсь.
— Сине Море?—Разумъ весь.
— Весь? Добро и рядомъ Зло?
— Сильно каждое весло.
— Пристань?—Сонъ.—Маякъ?—Мечта.
— Достиженье?—Полнота.
— Полноводье, а затѣмъ?
— Ширь пустынь—услада всѣмъ.
— Сладость, сонъ, а наяву?
— Въ безоглядности—плыву.

БОЖІЙ ХРАМЪ.

Наше тѣло—Божій храмъ,
Въ храмѣ дай горѣть свѣчамъ.
Любишь Бога, такъ смотри,
Храмъ достойно убери.

Чтобы ладанъ нѣжный въ немъ
Былъ съ молитвеннымъ огнемъ,
Чтобы тихій звонъ кадилъ
Прямо въ сердце заходилъ.

Чтобы къ храму льнулъ другой,
Тоже Божій—и такой,
Какъ бываетъ вешній садъ,
Въ часъ какъ всѣ цвѣты горятъ.

УЛЕТИ.

Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
Отъ косыхъ холодныхъ взоровъ,
Отъ напрасныхъ разговоровъ,—
Улети.

Птицей вольной, птицей бѣлой,
Изъ темницы застарѣлой,
Унесись на подвигъ смѣлый,—
Есть пути.

Въ мигъ одинъ свершится диво,
И свободно и красиво
Засіяетъ лугъ и нива,—
Захоти.

Плѣннымъ—крючья, плѣннымъ—пилья,
Но мечтой умножь усилья,
Вотъ ростутъ, бѣлѣютъ крылья,—
Что жь, лети.

Камень тяжкій отвалился,
Душный сводъ тюрьмы раскрылся,
Прахомъ твой порогъ затмился,—
Отмети.

Будь же съ нами, съ голубями,
Въ голубомъ воздушномъ храмѣ,
Мы помчимся облаками,—
Улети.

ДЛЯ СЕСТРЫ.

Для сестры моей, любови, есть лазоревы цвѣты,
Есть лазоревы цвѣточки самой свѣжей красоты.

Самой свѣжей, самой нѣжной, изъ-подъ первой той росы,
Для сестры моей, любови, и другія есть красы.

На холмѣ, холмѣ зеленомъ есть высокій теремокъ,
Подъ оконцемъ воркованье, стонетъ бѣлый голубокъ.

Голубь нѣжный, бѣлоснѣжный, онъ проворный, круговой,
Чуть крылами затрепещетъ—онъ со стаею живой.

Проворкуетъ, насъ, молъ, много, это правда, а не ложь,
За однимъ другой и третій, хоть считай, да не сочтешь.

Замелькаютъ, затрепещутъ, крылья блещутъ и горятъ,
Для сестры моей, любови, въ Небѣ выпросятъ нарядъ.

Въ самомъ Небѣ, въ синемъ Небѣ, у высокихъ облаковъ,
Ужь помолятъ, ужь попросятъ бирюзы и жемчуговъ.

Ужь помолятъ, ужь попросятъ изумрудовъ, жемчуговъ,
И атласа отливного, и тончайшіихъ шелковъ.

Небеса ли имъ откажутъ, въ Небѣ много тамъ всего,
Для сестры моей, любови, и для счастья моего.

ОТЧЕГО?

Отчего душа болитъ, а уму не говоритъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего огонь въ крови, хоть зови, хоть не зови?
Я люблю. Я люблю.
Отчего на Небесахъ звѣзды ясныя въ вѣнцахъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего изъ темноты дышутъ пьяные цвѣты?
Я люблю. Я люблю.
Отчего въ журчаньи струй такъ и бьется поцѣлуй?
Я люблю. Я люблю.
Отчего къ цвѣтку цвѣтокъ посылаетъ лепестокъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего въ твоихъ глазахъ и желаніе и страхъ?
Я люблю. Я люблю.
Отчего жь ты, отчего не у сердца моего?
Я люблю. Я люблю.

РАДУЙСЯ.

Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка течетъ,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, въ Сладимъ-Рѣкѣ есть медъ,
Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ прильнемъ,
Радуйся—съ Сладимъ-Рѣкой, мы въ Рай, мы въ Рай войдемъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка поитъ и кормитъ всѣхъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка смываетъ всякій грѣхъ,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ вѣщанье для души,
Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ спѣши,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть Рай,
Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, Сладимъ-Рѣку вбирай,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть медъ,
Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка зоветъ.

РАСКРЫТЫЕ УЛЬЯ.

Всѣ окна въ нашемъ теремѣ огнемъ озарены,
Цвѣты на каждомъ деревѣ съ лучомъ обручены,
Омѣтили всѣ двери мы, поставивъ тайный знакъ,
Теперь, что будетъ въ теремѣ—да будетъ это такъ.
Изъ кладезя глубокаго вода принесена,
Въ той горницѣ, гдѣ горлицы, святая тишина,
Гдѣ голуби—какъ проруби, тамъ чудится жерло,
И страшно такъ, и сладко такъ—что сказано, пришло.
Что сказано для разума, да будетъ наяву,
Дремотное—развязано, и дождь сѣчетъ траву.
Листы къ листамъ, уста къ устамъ и тѣло къ тѣлу льнетъ,
И лучъ изъ водъ туманъ зоветъ, какъ тучу въ Небосводъ.
А тамъ готова молнія, и льются, за огнемъ,
Изъ облакъ ведра полныя въ надземный водоемъ.
Журчитъ въ высокомъ теремѣ вспѣненный водометъ.
Ужели въ самомъ дѣлѣ мы не вкусимъ сладкій медъ?
Разъ въ ульяхъ есть обиліе, мы ихъ освободимъ.
Раскрой, душа, воскрылія! Теки, Рѣка-Сладимъ!

ПОГОНЯ.

Чей это топотъ?— Чей это шопотъ?—Чей это свѣтится глазъ?
Кто это въ кругѣ—въ бѣшеной вьюгѣ—пляшетъ и путаетъ
нась?

Чьи это крылья—въ дрожи безсилья—бьются и снова
летятъ?
Чьи это хоры?—Чьи это взоры?—Чей это блещущій
взглядъ?

Чье это слово—вѣчно и ново—въ сердцѣ поетъ какъ
гроза?
Чьи неотступно—можетъ, преступно—смотрятъ и смотрятъ
глаза?

Кто измѣнился—кто это свился—въ полный змѣиности
жгутъ?
Чьи это кони—бѣлые кони—въ дикой погонѣ—бѣгутъ?

РАДѢНІЕ.

Дѣти Солнца, въ часъ полночный,
Собрались въ игрѣ урочной,
Слитно-дружное вращенье,
Перекрестности круженья,
Плотно слажены ряды,
Мы во имя возрожденья
Ждемъ въ душѣ живой воды.

Жерновъ крутится упорный,
Бѣлый праздникъ ночью черной,
Быстро, пóсолонь, стремленье,
Звѣзды, въ жаждѣ обновленья,
Прорѣзаютъ такъ туманъ,
Въ кругѣ, знаменье радѣнья,
Со святой водою чанъ.

Ногъ босыхъ все глуше топотъ,
Устъ сухихъ не слышенъ ропотъ,
За одной живой стѣною
Двѣ и три идутъ волною,
Близь рубахи—сарафанъ,
И напѣвной тишиною
Зачарованъ водный чанъ.

Въ глубинѣ явился Кто-то,
Въ ликѣ свѣтлая дремота,
Пробуждается въ купели.
Мы недаромъ здѣсь радѣли,
И пропѣли заговоръ,
Въ вихрѣ слышенъ зовъ свирѣли,
Въ чанѣ темномъ яркій взоръ.

Хороводъ нашъ содрогнулся,
Съ неземнымъ соприкоснулся,
Мы истомнымъ взяты раемъ,
Въ пляскѣ мы изнемогаемъ,
Мы блѣднѣй, чѣмъ полотно,
Духъ сошелъ, мы знаемъ, знаемъ,
Это было суждено.

ВЪ ТАЙНОЙ ГОРНИЦѢ.

Въ тайной горницѣ, гдѣ взяты души вольныхъ въ нѣжный
плѣнъ,
Свѣчи длинныя сіяютъ ровнымъ пламенемъ вдоль стѣнъ.

Взоръ ко взору устремлялся, сердце въ сердце, разумъ
въ умъ,
Отъ пѣвучихъ думъ рождался, въ пляскѣ тѣлъ, размѣрный
шумъ.

Вскрики, дикіе какъ буря, какъ въ пустынѣ крикъ орла,
Душу выявили въ звукахъ, и опять душа свѣтла.

Въ бѣломъ вихрѣ взмахи чувства сладкій вѣдали предѣлъ,
И вѣнчальные наряды были саванами тѣлъ.

Въ этой пляскѣ изступленной каждый думалъ—про себя,
Но, другими окруженный, вился—сразу всѣхъ любя.

Въ этомъ множественномъ ликѣ, повторивъ стократъ
изгибъ,
Души плыли, какъ весною—стройный шабашъ свѣтлыхъ
рыбъ.

Такъ повторно, такъ узорно, съ хороводомъ хороводъ,
Извиваясь, любитъ слитно, и, безумствуя, плыветъ.

И, проплывъ, осуществили весь молитвенный напѣвъ,
И въ сердцахъ мужскихъ блаженство, какъ блаженство
въ сердцѣ дѣвъ.

И въ тѣлахъ мужскихъ дрожанье, многострунность въ
тѣлѣ женъ,
Это было, жизнь свѣтила, воплотился яркій сонъ.

И въ тѣлахъ сіяютъ души, каждый дышетъ, свѣтелъ
взглядъ,
Въ тайной горницѣ полночной свѣчи жаркія горятъ.

ХОРОВОДЪ.

По надъ прудомъ—прудомъ садъ, вешній садъ.
Бѣлымъ кругомъ схваченъ взглядъ, всѣ скользятъ.

По за лѣсомъ темный лѣсъ, шепчетъ лѣсъ.
Здѣсь воскресла пѣснь чудесна. Онъ воскресъ.

Подъ Луной—Луною лугъ, свѣжій лугъ.
Всѣ—со мною, всѣ—за мной, въ быстрый кругъ.

По надъ прудомъ—прудомъ темь, тамъ темно,
Да по водамъ хороводы тѣшатъ дно.

Такъ ужь гибки эти рыбки, всѣ плывутъ.
Здѣсь проблещутъ, тамъ сіяютъ, тутъ зовутъ.

По надъ садомъ—садомъ Ночь, ширь Небесъ.
Міръ зоветъ къ святымъ забавамъ. Онъ воскресъ.

ПЛЯСКА ДВУХЪ.

— Я изъ града Вѣтрограда,
Называюсь „Вѣй“.
— Я изъ града Цвѣтограда,
Я „Огонь очей“.
— Я по граду Вѣтрограду
Здѣсь, и нѣтъ, вонъ тамъ.
— Я по граду Цвѣтограду
Пить даю цвѣтамъ.
— Я во градѣ Вѣтроградѣ
Взвился, темнота.
— Я во градѣ Цвѣтоградѣ
Жду, цвѣтокъ—уста.
— Я во градѣ Вѣтроградѣ
Водоемъ взломлю.
— Я во градѣ Цвѣтоградѣ
Пропою „Люблю“.
— Я изъ града Вѣтрограда
Брызну вихремъ струй.
— Я изъ града Цвѣтограда
Позову „Цѣлуй“.

БОЖІИ ПЛОТНИКИ.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Всѣ работаемъ мы тутъ,
Надъ Судьбою судимъ судъ,
Мы вѣдь Божіи,
Не прохожіи.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Мы не ходимъ въ мірѣ зря,
За работу—чуть заря,
До вечернихъ росъ
Тешемъ бѣлый тесъ.

Мы плотнички,
Мы работнички,
Намъ топоръ проворный любъ,
Мы здѣсь строимъ бѣлый срубъ,
Топоромъ стучимъ,
Да въ свой духъ глядимъ.

Мы глядимъ на лѣсъ,
Въ Морѣ день воскресъ,
Послужили намъ лѣса,
Вотъ натянемъ паруса
На корабль мы свой,
На корабль живой.

Коли плыть, такъ плыть,
Новый міръ открыть,
Мы постукиваемъ тутъ,
Стружки словно цвѣтъ цвѣтутъ,
Мы плотнички,
Мы работнички.

ЗВѢЗДОЗАКОННИКИ.

Звѣздники, звѣздозаконники,
Божіей воли влюбленники,
Крестопоклонники,
Цвѣтопоклонники,
Здѣсь въ Вертоградѣ мы всѣ
Въ невыразимой красѣ.

Бездники, стали мы звѣздники,
Въ Вечери мы сотрапезники,
Цвѣтопоклонники,
Звѣздозаконники,
Хлѣбъ и вино—въ хоровомъ,
Во всеокружномъ поемъ.

ТРУБАЧИ.

По горамъ, по горамъ,
Трубачи.
Чу! поютъ и кличутъ намъ.
Солнце встало, шлетъ лучи.
По лугамъ и по лѣсамъ,
По широкимъ небесамъ,
Словно рдяные мечи,
Словно вытянулись въ бой,
По стремнинѣ голубой,
Исполинскіе мечи.
Надъ отшедшей тьмой слѣпой,
Съ золотой своей трубой
Встали, кличутъ трубачи,
Обѣщаютъ гулко намъ
Золотые дать ключи
Къ тѣмъ жемчужнымъ воротамъ,
За которыми прильнемъ,
Надъ рубиновымъ путемъ,
Мы къ невянущимъ цвѣтамъ.
Такъ вѣщаютъ трубачи,
По горамъ, по горамъ.

НЕТЛѢННОЕ.

Мы найдемъ въ нашемъ теремѣ свѣтлый покой,
Гдѣ игрою столѣтій украшены стѣны,
Гдѣ лишь сказкою, пѣснею стали измѣны,
Чтобъ за мигомъ былъ мигъ, за восторгомъ другой.

Я тебѣ загляну въ безконечную душу,
Ты заглянешь въ мою, какъ взглянула бъ въ окно,
Мы поймемъ, что сліяніе намъ суждено,
Какъ не можетъ волна не домчаться на сушу.

Ты мнѣ скажешь: „Мой милый. Нарядъ приготовь".
На тебя я надѣну нетлѣнное платье.
Я тебя заключу—заключаю въ объятья,
Мы найдемъ—мы нашли—въ нашемъ сердцѣ—любовь.

ЗВѢЗДОЛИКІЙ.

Лицо его было какъ Солнце—въ тотъ часъ когда Солнце
въ зенитѣ,
Глаза его были какъ звѣзды—предъ тѣмъ какъ сорваться
съ Небесъ,
И краски изъ радугъ служили—какъ ткани, узоры, и
нити,
Для пышныхъ его одѣяній, въ которыхъ онъ снова
воскресъ.

Кругомъ него рдянились громы, въ обрывныхъ разгнѣ-
ванныхъ тучахъ,
И семь золотыхъ семизвѣздій—какъ свѣчи горѣли предъ
нимъ,
И гроздья пылающихъ молній—цвѣтами раскрылись на
кручахъ,
„Храните-ли Слово?“ онъ молвилъ,—мы крикнули съ во-
племъ „Хранимъ!“

„Я первый“, онъ рекъ, „и послѣдній,“—и гулко отвѣтили
громы,
„Часъ жатвы“, сказалъ Звѣздоликій. „Серпы приготовьте.
Аминь.“
Мы вѣрной толпою возстали, на Небѣ алѣли изломы,
И семь золотыхъ семизвѣздій вели насъ къ предѣламъ
пустынь.

ОСАННА.

--Что было у васъ за пирами?
—Цвѣточныя чаши, любовь.
—Что выше?—Всѣ звѣзды надъ нами.
—Что въ чашахъ?—Поющая кровь.
—Своя иль чужая?—Смѣшались.
—А пѣсни?—Всегда объ одномъ.
—Въ какой же странѣ вы остались?
—Осанну, Осанну поемъ.

ИЗЪ КНИГИ

„ХОРОВОДЪ ВРЕМЕНЪ“

МОСКВА
1909

ДЛЯ ЧЕГО?

— Для чего намъ Солнце засвѣтилось сегодня?
— Для радости зрѣнія лика Господня.
— Для чего же оно горѣло вчера?
— Для радости зрѣнія лика Господня.
— А завтра зачѣмъ?—Чтобъ воскликнуть: Пора!
Будемъ въ радости зрѣнія лика Господня.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ.

Лунный камень, тихій пламень, тихій пламень, не простой,
То прозрачный, то туманный, сребротканный, золотой.
То скользящій, словно въ чащѣ лучъ-фонарикъ свѣтляка,
То грозящій, словно въ чащѣ ждетъ колдунъ изподтишка.
То какъ тайна Океана, что, сѣдой, безсмерно-юнъ,
То какъ ранній свѣтъ тумана, то какъ звоны дальнихъ
струнъ.
То какъ раковина Моря, что какъ будто бы горитъ,
А какъ будто не для глаза, а для слуха говоритъ.
То какъ змѣйный свѣтъ опала, то какъ сказка жемчуговъ,
Какъ церковный звукъ хорала въ часъ спасенья отъ
враговъ.
То какъ верба въ ночь ущерба, или въ первый мигъ
серпа,
Лунный камень, струнный пламень, отъ тебя въ тайникъ
тропа.

ЕГИПЕТЪ.

Заснула земля.
Фіалъ переполненный выпитъ.
Задремавшіе Боги ушли въ Небосводъ,
Гребцы корабля,
На которомъ Египетъ
Сквозь Вѣчность скользитъ по зеркальности Нильскихъ водъ.

Ушли Фараоны.
Ихъ нарядныя муміи спятъ,
Предъ глазами людей восхищенными.
Всѣ пирные звоны
Смѣнились напѣвомъ цикадъ.
Лишь звѣзды блестятъ и блестятъ надъ песками, самумомъ взметенными.

И Сфинксъ все глядитъ.
И Сфинксъ все есть Сфинксъ неразгаданный.
Въ зыби вѣковъ, что бѣгутъ и бѣгутъ вперебой.
И вкругъ пирамидъ
Жизнь живетъ, вешній воздухъ весь ладанный,
Нилъ течетъ, и папируса нѣтъ, но лотосъ расцвѣлъ голубой.

ЛАНДЫШИ.

Ландыши вы бѣлоснѣжные,
Не соты-ль вы лунныхъ пчелъ?
Въ шестигранныя келейки нѣжныя
Заоблачный сонъ вошелъ.

Вы сладостно, радостно дышите,
Душистый лелѣя сонъ.
Звоните тихонько, и слышите,
Лишь вы тотъ слышите звонъ.

Нѣтъ, не только. До самаго звѣзднаго
Неба, гдѣ Полночь—блѣдна,
Гдѣ какъ будто бы въ чарахъ морознаго
Сіянія свѣтитъ Луна,—

Уходитъ напѣвами вольными
Колокольный вашъ призрачный звонъ,
Надъ тѣнями березъ тонкоствольными,
Призывая на свой амвонъ.

Проникаясь душисто молебнами,
Вплоть до лунныхъ звоните вы селъ,
И звонами тонко-хвалебными
Отвѣтствуютъ сонмы пчелъ.

Съ Луною пчелы прощаются,
    И внизъ скользятъ по струнѣ,
Въ ландыши внутрь помѣщаются,
    И тихонько жужжатъ къ Лунѣ.

Вонъ видишь, въ дома шестигранные
    Въ снѣжность, въ душистость вошли,
Золотистыя, малыя, странныя,
    Ихъ не слышно въ цвѣточной пыли.

Но не слышно лишь намъ. Все жь въ волненіи
    Если ночью близь ландышей мы,
Словно въ пѣньи мы, въ млѣньи, въ моленіи
    Бѣлозвонной мглы-полутьмы.

АУ.

Твой нѣжный смѣхъ былъ сказкою измѣнчивою,
Онъ звалъ, какъ въ сонъ зоветъ свирѣльный звонъ.
И вотъ вѣнкомъ, стихомъ тебя увѣнчиваю,
Уйдемъ, бѣжимъ, вдвоемъ, на горный склонъ.
Но гдѣ же ты? Лишь звонъ вершинъ позваниваетъ.
Цвѣтку цвѣтокъ средь дня зажегъ свѣчу.
И чей-то смѣхъ все въ глубь меня заманиваетъ.
Пою, ищу, „Ау! ау!“ кричу.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ТРИНАДЦАТЬ ЛУНЪ“.

1. Іюнь.

Іюнь, непостижно короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просвѣтленная.
Кто родится въ Іюнѣ, никакъ одному не сумѣетъ помочь:
Въ душѣ его вѣкъ будетъ греза влюбленная,
Душа его будетъ безсонная.

Въ зеленомъ Іюнѣ цвѣтутъ всѣ цвѣты,
Густѣетъ осока прохладными свитками,
Бѣлѣетъ купава, какъ стынущій ликъ чистоты,
Дрема навѣваетъ вѣщательность сонной мечты,
О маленькомъ счастьи безмолвную рѣчь съ маргаритками
Ведетъ незабудка, и шепчетъ: „Припомнишь-ли ты?“
Цвѣтетъ и влюбляетъ ночная фіалка пахучая,
И рдѣютъ сердечки гвоздикъ луговыхъ.
Кто въ Іюнѣ войдетъ въ этотъ міръ, каждый цвѣтъ, его сладостно мучая,
Будетъ сердцу внушать, что любить нужно ихъ,
Эти сны, лепестки, и душа его станетъ пѣвучая,
Расцвѣченная, жгучая.

И въ Іюнѣ, въ Иванову ночь,
Онъ искать будетъ папороть-цвѣтъ,
На вопросъ невозможный—желанный отвѣтъ,
На вопросъ, что, мелькнувъ, ужь не скроется прочь!

И Иванова ночь озаренная
Дастъ, быть можетъ, огонь златоцвѣтный ему,
Чтобъ удвоить, за мигомъ сіянія, тьму,
Чтобъ въ единственный часъ,
Гдѣ минута съ минутой—какъ искра спаленная,
Тайный папороть-цвѣтъ, излучившись, погасъ,
Чтобъ въ душѣ его пѣснь задрожала стозвонная,
Чтобъ душа его стала безсонная.

2. Ноябрь.

Божій кузнецъ,
Дороги и рѣки куетъ,
Зимѣ изо льда онъ готовитъ ларецъ,
Алмазы вбиваетъ въ холодный вѣнецъ,
Разсыпавши снѣгъ, разукрасивши ледъ,
Звонко куетъ,
Бѣлая кузница—міръ,
Весь оковалъ,
Въ иней не разъ и не два одѣвалъ
Поле и лѣсъ,
Кличетъ мятели на пиръ,
Смотритъ на яркія звѣзды Небесъ,
Словно и имъ онъ дороги мостить,
Звѣзды по снѣгу, и звѣзды вонъ тамъ,
Думаетъ, думаетъ, вдругъ засвиститъ,
Мчится, летитъ, по лѣсамъ, по кустамъ,
Снова—ковать, и гвоздитъ, и гвоздитъ,
Гробъ, что-ли, намъ?
Саваномъ бѣлымъ въ ногахъ шелеститъ,
Искрится бѣлая смерть по снѣгамъ.

ПО БЛѢДНОЙ ДОЛИНѢ.

По блѣдной долинѣ приходятъ, уходятъ, проходятъ несчетные духи,
Тамъ юноши, взрослые, малыя дѣти, и старцы идутъ, и старухи.

Съ Востока на Западъ, съ Заката къ Востоку, и снова на Западъ съ Востока,
Приходятъ, уходятъ, и ходятъ, и бродятъ, не знаютъ ни часа, ни срока.

Встрѣчаясь, качаютъ они головами, и шепчутъ о благости Бога,
И всѣ, проходя, проиграютъ цѣпями, и вѣчно, и вѣчно дорога.

И вдругъ отъ Востока на Западъ прольется разливное красное пламя,
Одинъ усмѣхнется, другой ужаснется, но каждый почувствуетъ знамя.

И вдругъ отъ Заката къ Востоку вернется и злато, и бархатъ, и алость,
И духи считаютъ, колдуютъ, гадаютъ, пока не сомнетъ ихъ усталость.

Тогда, безконечно взывая о мести, о чести, о славѣ, о чарахъ,
Несчетные духи, согбенно, проходятъ, какъ тѣни въ безмѣрныхъ пожарахъ.

По блѣдной долинѣ, въ пустынѣ, какъ въ сплинѣ, донынѣ безумствуютъ духи.
И юноши сѣды, и дряхлыя дѣти, и юны, межь старцевъ, старухи.

ВѢДОГОНЬ.

У каждаго есть вѣдогонь.
Когда ты заснешь, онъ встаетъ,
Въ крылахъ его дышетъ полетъ,
Осмотрится, дунетъ, идетъ,
Окрѣпъ, улетаетъ, не тронь.

Онъ воленъ, когда мы во снѣ,
И разный намъ видится сонъ,
Вотъ птица, лазурь, небосклонъ,
Не мы это видимъ, а онъ,
И тонемъ мы съ нимъ, въ вышинѣ.

Вотъ вѣтеръ бѣжитъ по цвѣтамъ,
Красивый съ красивой, ихъ два,
Безсмертная сказка жива.
Цѣлуетъ. И дышетъ трава.
Заснувшимъ такъ сладко устамъ.

Вотъ ссора, чудовищный видъ,
Съ ножомъ вѣдогони, бѣда,
Открылась и льется руда,
Ты спишь, ты уснулъ навсегда.
Смотри. Вѣдогонь твой убитъ.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Посвящаю эти строки матери моей
Вѣрѣ Николаевнѣ Лебедевой-Бальмонтъ,
чей предокъ былъ
Монгольскій Князь
Бѣлый Лебедь Золотой Орды.

1.

Конь къ коню. Гремитъ копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь изрыта.
Въ летѣ коршуна не тронь.

Да и лебедя не трогай,
Бѣлый Лебедь заклюетъ.
Гей, дорога! Ихъ у Бога
Столько, столько—звѣздный счетъ.

2.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Отъ снѣговъ до лѣтней пыли, отъ цвѣтовъ до льда.

Мы тамъ были, вотъ мы здѣсь, вѣчно здѣсь,
Степь какъ плугами мы взрыли, взяли округъ весь.

Мы здѣсь были, чтò то тамъ, чтò вонъ тамъ?
Глянемъ въ чары, намъ пожары свѣтятъ по ночамъ.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Наши—долы, наши—рѣки, села, города.

3.

Для чего же и данъ намъ размахъ крыла?
Для того, чтобы жизнь жила.
Для того, чтобы воздухъ отъ свиста крылъ
Былъ видѣньемъ крылатыхъ силъ.

И закроемъ мы Мѣсяцъ толпой своей,
Пролетимъ, онъ блеснетъ свѣтлѣй.
И на мигъ мы у Солнца измѣнимъ видъ,
Станетъ ярче небесный щитъ.

Отъ звѣзды серебра до другой звѣзды—
Нашъ полетъ Золотой Орды.
И какъ будто за нами бѣжитъ бурунъ,
Гулъ серебряно-звонкихъ струнъ.

Отъ червонной зари до зари другой
Птичьи крики, прибой морской.
И за нами червонны цвѣты всегда,
Золотая живетъ Орда.

4.

Конь и птица—неразрывны,
Конь и птица—быстрый бѣгъ.
Какъ вдали костры призывны!
Поспѣшаемъ на ночлегъ.

У костровъ чернѣютъ тѣни,
Приготовлена ѣда.
Въ быстромъ бѣгѣ измѣненій
Мы найдемъ ее всегда.

Нагруженные обозы—
Въ ожиданіи нѣмомъ.
Безъ вѣщательной угрозы,
Чтò намъ нужно, мы возьмемъ.

Тѣни ночи въ ночь и прянутъ,
А костры оставятъ намъ.
Если жь биться съ нами станутъ,
Смерть нещадная тѣнямъ.

Дѣти Солнца, мы приходимъ,
Чтобы алый цвѣтъ расцвѣлъ,
Быстрый счетъ мы съ міромъ сводимъ,
Вводимъ волю въ произволъ.

Тамъ гдѣ были раздѣленья
Заблудившихся племенъ,
Входимъ мы какъ цѣльность пѣнья,
Какъ одинъ прибойный звонъ.

Кто послалъ насъ? Намъ безвѣстно.
Тотъ, кто выслалъ саранчу,
И велѣлъ дома, гдѣ тѣсно,
Поджигать своимъ „Хочу".

Что ведетъ насъ? Воля кары,
Измѣненья вещества.
Наряжаяся въ пожары,
Ночь свѣтла и ночь жива.

А потомъ? Потомъ недвижность
Въ должный часъ убитыхъ тѣлъ,
Тихой Смерти необлыжность,
Черный коршунъ пролетѣлъ.

Прилетѣлъ и сѣлъ на крышѣ
Чтобы каркать для людей.
А свободнѣе, а выше—
Стая бѣлыхъ лебедей.

5.

Ночь осенняя темна, ужь какъ темна,
Закатилась круторогая Луна.

Не видать ея, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звѣздныхъ есть лучей.

Вонъ, раскинулись узоромъ круговымъ,
Звѣзды, звѣзды, многозвѣздный бѣлый дымъ.

Упадаютъ. Въ ночь осеннюю съ Небесъ
Не одинъ свѣтильникъ радостный исчезъ.

Упадаютъ. Почему, зачѣмъ, куда?
Вотъ, была звѣзда. И гдѣ она, звѣзда?

Возсіяла лебединой красотой,
И упала, перестала быть звѣздой.

А Дорога-Путь, Дорога душъ горитъ.
Говоритъ душѣ. А что же говоритъ?

Или только вотъ, что есть Дорога птицъ?
Мнѣ ужь мало убѣганій безъ границъ.

Мнѣ ужь мало взять костры, разбить обозъ,
Мнѣ ужь скучно отъ росы повторныхъ слезъ.

Мнѣ ужь хочется двухъ звѣздныхъ близкихъ глазъ.
И покоя въ лебедино-тихій часъ.

Гдѣ-жь найду ихъ? Гдѣ, желанная, она?
Ночь безлунная темна, ужь какъ темна.

Гдѣ-же? Гдѣ-же? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Свѣтятъ звѣзды, не просвѣтятъ въ мірѣ тьму.

Упадаютъ. За чредою череда.
Вотъ, была звѣзда. А гдѣ она, звѣзда?

6.

— Гдѣ же ты? Тебя мы ищемъ.
Завтра къ новому летимъ.

— Быть безъ отдыха—быть нищимъ.
Что̀ мнѣ новый дымъ и дымъ!

— Гей, ты шутишь? Или—или—
Оковаться захотѣлъ?

— Лебедь бѣлый хочетъ лилій,
Коршунъ хочетъ мертвыхъ тѣлъ.

— А не ты-ли красовался
Въ нашей стаѣ лучше всѣхъ?

— Въ утрѣ—день былъ, мракъ качался.
Не смѣюсь, коль замеръ смѣхъ.

— Гей, зачахнешь здѣсь въ затонѣ.
Бѣлый Лебедь, улетимъ!

— Лучше въ собственномъ быть стонѣ,
Чѣмъ грозой идти къ другимъ.

— Гей, за степи! Бросимъ, кинемъ!
Бѣлый Лебедь измѣнилъ.—

Скрылись стаи въ утрѣ синемъ.
Въ Небѣ синемъ—звонъ кадилъ.

7.

— Полоняночка, не плачь.
Свѣтлоглазочка, засмѣйся.
Ну, засмѣйся, змѣйкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.

Полоняночка, скажи.
Хочешь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь. Только бъ счастья.
Поле счастья—безъ межи.

О, свѣтлянка, поцѣлуй!
Дай мнѣ сказку поцѣлуя!
Лебедь хочетъ жить ликуя,
Бѣлый съ бѣлой въ брызгахъ струй.

Поплывемъ,—не утоплю.
Возлетимъ,—коснусь крылами.
Выше! Къ Солнцу! Солнце съ нами!
— Лебедь... Бѣлый... Мой... Люблю...

8.

Опрокинулись рѣки, озера, затоны хрустальные,
Въ просвѣтленность Небесъ, гдѣ несчетности Млечныхъ путей.
Свѣтятъ въ ночи веселыя, въ мертвыя ночи, въ печальныя,
Разноволъность людей обращаютъ въ слiянность ночей.

И горятъ, и горятъ. Были вихрями, стали кадилами.
Стали бездной свѣчей въ кругозданности храмовъ ночныхъ.
Моремъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Стали стаями птицъ, бѣлокрылыми.
И, срываясь, поютъ, что внизу загорятся какъ стихъ.

Упадаютъ съ высотъ, словно медъ, предугаданный пчелами.
Изъ невидимыхъ сотъ за звѣздой упадаетъ звѣзда.
Въ души къ малымъ взойдутъ. Запоютъ, да пребудутъ веселыми.
И горятъ какъ цвѣты. И горитъ Золотая Орда.

1908. Ночи Зимнiя.
Долина Березъ.

ИЗЪ КНИГИ

„ЗАРЕВО ЗОРЬ“

МОСКВА
1912

АГНИ.

Красные кони, красные кони, красные кони—кони мои.
Ярки ихъ гривы, вьются извивы, пламенны взрывы,
ржутъ въ забытьи.

Ржутъ, что есть мочи, дрогнули ночи, конскія очи—мол-
нійный свѣтъ.
Спятъ водоемы, будутъ имъ громы, рухнутъ хоромы
вышнихъ примѣтъ.

Жаркіе кони, яркіе кони, жаркіе кони—кони мои.
Топнутъ о камень—топнутъ—и пламень выросъ и взвился
проворнѣй змѣи.

Звонки подковы, златы и новы, пышны покровы красныхъ
попонъ.
Въ Мірѣ—вѣщанье, капель жужжанье, рѣзвое ржанье,
хохотъ и стонъ.

Бѣлый—рождаясь, красный—взметаясь, весь расцвѣчаясь
въ пропастяхъ дня,
Я у порога Мрака-Зловрога. Знаешь ты бога? Видишь
меня?

ГІЕРОГЛИФЫ ЗВѢЗДЪ.

Я по ночамъ вникалъ въ гіероглифы звѣздъ,
Въ тѣ свитки пламеней въ высотахъ совершенныхъ.
Но нѣмы ихъ слова. И духъ, въ томленьяхъ плѣнныхъ,
Не перекинетъ къ нимъ, ихъ достающій, мостъ.

Ихъ повѣсть явственна и четко различима,
Но духъ въ нихъ не найдетъ возжажданный отвѣтъ.
На всѣ мои мольбы они отвѣтятъ: „Нѣтъ".
Промолвятъ: „Мигъ живи, какъ смѣсь огня и дыма.

„Гори. Еще гори, покуда не сгоришь.
Когда же догоритъ лампада золотая,
Созвѣздье между звѣздъ, взнесешься ты, блистая,
Узнавши звѣздную, въ провалахъ Ночи, тишь.

„Но, если ты душой ненасытимо жгучей
Возжаждалъ то продлить, что длиться мигъ должно,
Ты камнемъ рушишься на міровое дно,
Созвѣздіемъ не ставъ, сгоришь звѣздой падучей".

ОСТРІЕ.

Я жизнью и смертью играю.
Прохожу по блестящему краю.
Острie.
И не знаю, кого погублю я,
Ту, кого обожаю, цѣлуя,
Или сердце мое.

Вотъ порвется. Такъ бьется, такъ бьется.
А она, наклоняясь, смѣется.
Говоритъ:—
Что съ тобой? Ты бѣжалъ очень скоро?
Ты боишься—за что-то--укора?
Тутъ—немножко—болитъ?

Я знаю разъятую рану.
Прикоснись же. Мѣшать я не стану.
Все стерплю.
Только помни, пока повторяю.
Только вѣрь мнѣ, пока я сгораю.
Я люблю. Я люблю.

ТОСКА СТЕПЕЙ.

(Полонянка степей Половецкихъ).

Звукъ зурны звенитъ, звенитъ, звенитъ, звенитъ,
Звонъ стеблей, ковыль, поетъ, поетъ, поетъ,
Серпъ временъ горитъ, сквозь сонъ, горитъ, горитъ,
Слезный стонъ ростетъ, ростетъ, ростетъ, ростетъ.

Даль степей, не мигъ, не часъ, не день, не годъ,
Ширь степей, но нѣтъ, но нѣтъ, но нѣтъ путей,
Тьма ночей, нѣмой, нѣмой тотъ звѣздный сводъ,
Ровность дней, въ нихъ зовъ, но чей, но чей, но чей?

Мать, отецъ, гдѣ всѣ, гдѣ всѣ—семьи моей?
Сонъ весны—блеснулъ, но спитъ, но спитъ, но спитъ,
Даль зоветъ, за ней, зоветъ, за ней, за ней,
Звукъ зурны звенитъ, звенитъ, звенитъ, звенитъ.

ПСАЛОМЪ НОЧНОЙ.

Домъ мечтаній начальныхъ,
Сномъ окутанъ ночнымъ.
Псаломъ надеждъ погребальныхъ
Поемъ мы, и всходитъ дымъ.

Гумна убиты цѣпами,
Шумный окончился день.
Безшумная ночь надъ полями.
Сумракъ, духъ мой одѣнь.

ПОСЛѢДНЯЯ ЗАРЯ.

Я вижу свѣтъ моей зари послѣдней.
Она вдали широко разлилась.
Безгласный звонъ. Мольбы цвѣтной обѣдни.
Псалмы лучей. Предвозвѣщенный часъ.

И служба дня смѣняется вечерней.
Встаетъ Луна, и паутинитъ нить.
Чтобы душѣ, гдѣ пытки—равномѣрнѣй,
Для всенощной смиряющей свѣтить.

НЕ ВЪ ЭТИ ДНИ.

Не въ эти дни вечеровые
Паденья капель дождевыхъ,—
Не въ эти дни полуживые,
Когда мы душу прячемъ въ стихъ,
Чтобъ озарить себя самихъ,—
О, нѣтъ, тогда, когда впервые,
Какъ капли жаркаго дождя,
Струились звѣзды, нисходя
На долы Неба голубые,—
Тогда, какъ въ первый разъ, въ ночи,
Средь звѣздъ, какъ межь снѣжинокъ—льдина,
Жерло могучаго Рубина,
Соткавъ кровавые лучи,
Окружность Солнца-Исполина
Взметнуло въ вышній небосклонъ,
И Хаосъ древній былъ пронзенъ,—
Тогда, какъ рушащіе громы,
Бросая милліонный слѣдъ,
Качали новыя хоромы,
Гдѣ длился ливнемъ самоцвѣтъ,
И свѣтъ былъ звукъ, и звукъ былъ свѣтъ,—
Тогда, Тебя, кого люблю я,

Съ кѣмъ Я мое—навѣкъ сплелось,
Взнести хотѣлъ бы на утесъ,
Въ струяхъ разметанныхъ волосъ,
Яря, качая, и волнуя,
Тебя, касаньемъ поцѣлуя,
Сгорая, сжегъ бы въ блескѣ грозъ.

ЗВѢЗДНАЯ ГРАМАТА.

Я дамъ тебѣ звѣздную грамату,
Дорогою сдѣлаю радугу,
Надъ пропастью дней многогромною
Твой теремъ высоко взнесу.
И зори, со звѣздами дружныя,
И зори разсвѣтовъ жемчужныя,
Протянутъ свою полосу.

Ты будешь во снѣ многосладостномъ,
Душистомъ какъ нѣжные ландыши,
Сквозистомъ какъ лѣсъ многолиственный,
Росистомъ какъ ласковый лугъ.
Ты будешь въ сліяньи и въ пѣніи,
Мы будемъ въ безсмертномъ мгновеніи,
Съ лицомъ, обращеннымъ на Югъ.

ИЗЪ ВИХРЯ.

Въ Безднѣ задуманный, въ Небѣ зачатый,
Взявшій для глазъ своихъ Солнце съ Луной,
Скрывшій въ себѣ грозовые раскаты,
Льдяные срывы и влагу и зной,
Знавшій огней вѣковые набаты,
Праздникъ разлитья созвѣздій и рѣкъ,
Страстью ужаленный, Бездной зачатый,
Я—Человѣкъ.

КОНИ БУРЬ.

Ржали громы по лазури,
Разоржались кони бурь,
И дождавшись громкой бури,
Разрумянили лазурь.

Громы, рдѣя, разрывали
Крѣпость мраковъ, черный кругъ,
Въ радость радуги играли,
Воздвигали рдяность дугъ.

Завершивъ свой подвигъ трудный,
Ливень струй освободивъ,
Міръ растеній изумрудный
Вѣсь прикрыли мглою гривъ.

И промчались въ небѣ взрытомъ,
Арку радуги дожгли,
И ушли, гремя копытомъ,
Чу, послѣдній громъ вдали.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ книги „Жаръ-Птица“.

Изъ книги „Птицы въ Воздухѣ“.

КАТАЛОГИ

КНИГОИЗДАТЕЛСТВЪ

„Скорпіонъ“, „Мусагетъ“ и „Альціона“

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

«СКОРПІОНЪ»

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегіи. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга стиховъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изд. 4-е. М. 1912. Ц. 2 р.

Томъ IV. (Только Любовь). Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ V. (Литургія Красоты). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VII. (Жаръ-Птица). Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ). Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

К. Д. Бальмонтъ. Избранные стихи. 1890—1912. М. 1912. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ 1892—1909 гг.

Валерій Брюсовъ. Т о м ъ I. Стихи 1892—1909 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Т о м ъ II. Стихи 1902--1906 гг. (Urbi et Orbi, Stephanos). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Т о м ъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. З е р к а л о Т ѣ н е й. Стихи 1909 — 1912 гг. Обложка Д. Митрохина. М. 1912 Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Л и с т о п а д ъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Андрей Бѣлый. З о л о т о в ъ Л а з у р и. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верлэнъ. С о б р а н і е с т и х о в ъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911. Ц. 2 р.

Юрій Верховскій. Р а з н ы я с т и х о т в о р е н і я. М. 1908. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. С о б р а н і е с т и х о в ъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. П р о з р а ч н о с т ь. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. C o r A r d e n s. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы). Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.

C o r A r d e n s. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ—1 р. 10 к. (Оба тома вмѣстѣ 3 р. 50 к.)

М. Кузминъ. С ѣ т и. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. О с е н н і я О з е р а. Вторая книга стиховъ. Обложка работы С. Судейкина. М. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 1 р. (вм. 2 р.).

Николай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Стихи Нелли. Съ посвященіемъ Валерія Брюсова. М. 1913. Ц. 60 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.

Уольтъ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 90 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. 2-ое дополненное изд. Иллюстраціи и обложка Альберто Мартини (фототипіи). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ и драматическихъ сценъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшенія по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Ѳедотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

*

М. Кузминъ. Первая книга разсказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга разсказовъ (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Іосифъ). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

М. Кузминъ. Третья книга разсказовъ. (Путешествіе сера Джона Фирфакса. Повѣсть о Ксанѳѣ. „Высокое искусство". Нечаянный провіантъ. Опасный стражъ. Ванина родинка. Мечтатели.) М. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 40 к. (вм. 65 к.).

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 3-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.

Томъ II. Разсказы, статьи афоризмы. Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 2 р. 20 к.

Томъ III. Страшные разсказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.

Томъ IV. Необычайныя приключенія. М. 1912. Ц. 2 р.

Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. М. 1912. Ц. 2 р.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.)

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч.

Обложка Н. Өеофилактова. М. 1906. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.)

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.)

Өедоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разсказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.)

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вяч. Иванова. Обложка Н. Өеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Өеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3

портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. („Парацельсъ", „Подруга", „Зеленый попугай".) Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ и т. д.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р. То же — безъ рисунковъ. Ц. 2 р.

Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія.—Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла.—Обри Бердслей. Стихи. Застольная болтовня.—Избранныя мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библіографія.—Примѣчанія.—Портреты, автопортреты, карикатуры.—Воспроизведенія рисунковъ (около 40) О. Бердслея черныхъ и въ красках. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликіардопуло. М. 1912. Ц. 3 руб.

Н. Брюсова. Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Изъ воспоминаній. М. 1913. Ц. 50 к.

В. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансомъ. Оскаръ Уайльдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло. Съ предисловіемъ для русскаго изданія Роберта Росса и съ неизданнымъ портретомъ О. Уайльда. (Печатается.)

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. Ц. 80 к. (вм. 2 р.)

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некра-

сова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904 — 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта", драма, К. Д. Бальмонта. „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты на 1911 годъ. Содержаніе: „Забытыя сокровища", очеркъ К. Бальмонта, „Голландка Лиза", комедія М. Кузмина, „Подъ Павловымъ щитомъ", разсказъ Б. Садовского, „Аполлонъ и мышь", статья М. Волошина, „Шумъ смерти", разсказъ З. Гиппіусъ, „Подземное жилище", поэма Валерія Брюсова, „Семь земныхъ соблазновъ", главы изъ романа Валерія Брюсова, стихи З. Гиппіусъ, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, Д. Навашина, Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста+70 стр. нотъ. Восемь рисун-

ковъ (во всю страницу) С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова (фототипіи и литографіи). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ“.

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909): 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ“ напечатаны стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей, Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Ренэ Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго. В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, П. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева. С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуков, скаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ“, воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О.

Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Рэдона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерждъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ“, нигдѣ не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ“ за всѣ шесть лѣтъ изданія—**40** руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по **6** руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по **7** руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (**безъ 1907 г.**)—7 руб., безъ пересылки; **1907 г. отдѣльно не продается.** Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на которыя цѣна понижена и 2-й части „Cor Ardens“ Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“: **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23** (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“, **Петербургъ, Садовая, 18.**

дакціи романа „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера“, найденной въ 1910 году въ рукописяхъ Шультгеса. Предисловіе перваго издателя Гарри Мейнка. Приложеніе: I. Сводъ отзывовъ Гете о своемъ романѣ. II. Выдержки изъ писемъ Шиллера о „Вильгельмѣ Мейстерѣ“. (Готовится).

Адольфъ Гильдебрантъ. Проблема формы въ изобразительныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачинскаго. (Печатается.)

Хаустонъ Стюартъ Чемберленъ. Арійское міросозерцаніе. (Печатается).

Жозефъ Орсье. Агриппа Неттесгеймскій. Критико-біографическій очеркъ. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями Валерія Брюсова. Съ портретомъ. (Печатается).

Павлинъ изъ Пелы. Эвхаристиконъ Богу. Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Валерія Брюсова. (Готовится.)

Провансальскіе лирики XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится.)

Иполитъ Тэнъ. Наполеонъ Бонапартъ. Переводъ О. К. Синцовой. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.

Фридрихъ Шлегель. Люцинда. Съ приложеніемъ писемъ Шлейермахера. Переводъ и вступительная статья Ѳ. А. Степпуна (Готовится).

Пауль Дейссенъ. Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Пер. Мих. Сизова. М. 1911. Ц. 40 к.

Шарль Бодлэръ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса М. 1910. Ц. 1 р.

Антологія. Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.

Александръ Блокъ. Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ.

Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.

Книга вторая. Нечаянная Радость. М. 1912. Ц. 1 р.

Книга третья. Снѣжная Ночь. Изданіе 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Александръ Блокъ. Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ 1908—1910. М. 1911. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Ц. 1 р.

Сергѣй Соловьевъ. Апрѣль. Книга стиховъ. М. 1910 Ц. 2 р.

Сергѣй Соловьевъ. Цвѣтникъ царевны. Третья книга стиховъ М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Эллисъ. Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.

„Логосъ“ Русское изданіе международнаго ежегодника по философіи культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.

„Логосъ“. Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.

„Логосъ“. 1911 г. Книга первая. М. 1911. Ц. 2 руб.

„Логосъ“ 1911—12 г. Книга вторая и третья. Ц. 2 р. 50 к.

„Логосъ“. Книга первая и вторая 1912—13 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія «Орфей».

Яковъ Беме. Aurora или Утренняя Заря въ восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго. (Готовится).

Гимны Орфея. Переводъ Владиміра Нилендера (Готовится).

Гераклитъ Ефесскій. Фрагменты. Переводъ Владиміра Ниллендера. М. 1910. Ц. 1 р.

Рэйсбрукъ Удивительный. Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Мэтерлинка. Переводъ Михаила Сизова. М. 1910. Ц. 2 р.

Рихардъ Вагнеръ. Парсифаль. Переводъ Эллиса. (Готовится).

Лира Новалиса въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится).

Мейстеръ Экнартъ. Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой. М. 1912. Ц. 3 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«АЛЬЦІОНА».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

Андрей Бѣлый. Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый.—Символизмъ.—Символизмъ и современное русское искусство.— Настоящее и будущее русской литературы.—Гоголь.—Чеховъ. —Мережковскій.—Сологубъ.—Брюсовъ.—Бальмонтъ.— Апокалипсисъ въ русской поэзіи). М. 1910. Ц. 1 р.

З. Н. Гиппіусъ. Лунные муравьи. Книга разсказовъ. (Лунные муравьи.—Онъ бѣлый. —Женское.—Былъ и такой.—Увѣренная.—Дверь.—Застѣнный.—Нѣтъ возврата.—Земля и Богъ.—Приказчикъ.—Подслушанныя слова). М. 1912. Ц. 1 р.

Сергѣй Клычковъ. Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. М. 1911. Ц. 75 к.

М. Кузминъ. Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится).

Борисъ Садовской. Узоръ чугунный. Разсказы. (Черты изъ жизни моей.—Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ. — Петербургская ворожея.— Праздничный день поручика Матрадурова.—Погибшій пловецъ.—Сынъ бѣлокамен-

ной Москвы.—Изъ бумагъ князя Г.) М. 1910. Ц. 1 р.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, Б. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. М. 1910. Ц. 1 р.

Владимиръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изд. 6-е, дополненное. (Печатается).

Любовь Столица. Лада. Пѣсенникъ. Обложка С. Коненкова. Надписи и украшенія А. Арапова. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

М. Шагинянъ. О блаженствѣ имущаго. (Поэзія З. Н. Гиппіусъ.) М. 1912. Ц. 40 к.

Владимиръ Эльснеръ. Выборъ Париса. Первая книга стиховъ М. 1913. Ц. 1 р.

Владимиръ Эльснеръ. Пурпуръ Киѳеры. Эротика. Иллюстраціи, Н. Миліоти, М. Сарьяна, Г. Якулова. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.

Листки изъ утраченнаго альбома. Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева, кн. П. И. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя, карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. Пушкинъ. Сужденія о всемірной литературѣ, собранныя систематически подъ редакціей и съ присловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).

Барбэ д'Оревильи. Дендизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступителъная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Поль Верлэнъ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С.

Я. Рубановича. Портретъ Верлэна работы Н. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П. Верлэна, Казальса, Коля и др. М. 1910. Ц. 1 р.

Ренэ Гиль. Научная поэзія. О цѣляхъ и задачахъ искусства. Переводъ Н. Львовой, подъ ред. и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Печатается).

Іоаннъ Секундъ. Поцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергѣя Соловьева. (Готовится).

Маріэтта Шагинянъ. Orientalia. Стихи. М. 1913. Ц. 75 к.

Э. Т. А. Гофманъ. Золотой горшокъ. Переводъ и предисловіе Владимира Соловьева. Съ автопортретомъ. М. 1913. Ц. 1 р.

Юліанъ Анисимовъ. Обитель. Стихи. М. 1913. Ц. 1 р.

Н. Львова. Старая сказка. Первая книга стиховъ. М. 1913 Ц. 1 р.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 08 06 07 017 3